

Василий Лягоскин

ДОМА МЫ НЕ НУЖНЫ

Книга первая.
Битва эпох

Василий Лягоскин
Дома мы не нужны

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Дома мы не нужны / В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

Если жизнь заканчивается и впереди только нищенская пенсия и никого рядом? Если после тебя ничего и никого не останется?..А если судьба подарит еще один шанс — неважно где и когда? И не только тебе, но и новым друзьям — раньше таким же неудачникам? Может, именно тебе предстоит стать главным героем в новой жизни... Потому что русские не сдаются — нигде и никогда. Они еще и соседям помогут...

© Лягоскин В. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кудрявцев. День первый. Около девяти утра	6
Глава 2. Профессор Романов. День первый – до полудня	17
Глава 3. Сауд Аль-Бакри. День первый. И последний	32
Глава 4. Подполковник Кудрявцев. День первый, продолжение	41
Глава 5. Оксана Гольдберг. День первый – самый страшный	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дома мы не нужны
Книга первая. Битва эпох
Василий Иванович Лягошкин

© Василий Иванович Лягошкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кудрявцев. День первый. Около девяти утра

И мир взорвался!

Взорвался совсем не так, как ожидал подполковник Кудрявцев. Вернее сказать, Кудрявцев вообще не ожидал ничего. Ни хорошего, ни плохого. После нервного нажатия пальцем курка автоматического пистолета Стечкина, поднесенного к собственному виску, ожидать чего-то было бессмысленно. Поэтому удивительную какофонию звуков, окруживших вдруг подполковника, сидевшего за обычным письменным столом в собственной однушке на восьмом этаже в спальном районе Саратова, ничем объяснить было нельзя.

Ни в ад, ни в рай Кудрявцев прежде не верил. Да и сейчас трудно было поверить, что где-то в пределах территории, подведомственной чертям или, напротив, ангелам, вдруг бешено взвыл и тут же умолк, словно наткнувшись на непреодолимое препятствие, мотоциклетный двигатель. Подполковник, которого определять любой звук; направление и расстояние до него учили когда-то не просто жестко, а жестоко, определил: не больше пятнадцати метров, чуть левее и... не выше, но и не ниже самого Кудрявцева, который, напомним, жил на восьмом этаже.

Где-то чуть дальше рявкнул тракторный движок, но тоже замолк – не сразу, скорее повинаясь руке тракториста, отключившего зажигание.

– Тракторишко-то наш, советский МТЗ, – определил он по старой памяти, хотя Минский тракторный завод уже почти четверть века выпускал продукцию на благо суверенной Беларуси, поставляя практически всю ее в Российскую Федерацию, не менее независимую те же четверть века.

Чем-то почти райским можно было обозвать обиженный звон колокола, будто упавшего с небольшой высоты; последовавшее сразу за ним извержение богохульств и мата – родного, российского, а сразу за ним какой-то то ли молитвы, то ли стенания заставили подполковника чуть улыбнуться – он понял, что колокол действительно упал. И не просто упал, а на голову кого-то, привыкшего через слово обращаться к Богу. Что интересно – и колокол и богослов, судя по всему, тоже висели где-то на высоте чуть больше двадцати метров (восьмой этаж) – ведь квартира Кудрявцева была угловой, и за стеной комнаты, служившей ему и кабинетом, и спальней, а иногда – по торжественным случаям – и банкетным залом не было ничего, кроме воздуха. Впрочем такие случаи можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Настоящим домом для подполковника Александра Николаевича Кудрявцева была База (с большой буквы с того самого дня почти тридцать лет назад, когда двадцатисемилетний капитан Кудрявцев, считавший себя бойцом круче некуда, в первый раз перешагнул ее порог), а эта комната шириной три двадцать и длиной четыре метра сорок сантиметров...

– Теперь уже не четыре сорок, а метра три, если не меньше, – констатировал открывший, наконец, глаза Кудрявцев. Констатировал слишком спокойно для человека, который вместо глухой стены перед собой и картины неизвестного художника на ней, оставленной прежним хозяином квартиры ввиду отсутствия в последней художественной и материальной ценности, увидел... тоже часть комнаты. Чужой комнаты – судя по остаткам мебелировки – гораздо более благоустроенной и пригодной для любителя или вернее любительницы роскошного времяпрепровождения.

Именно такая, внешне далеко не худшая представительница прекрасного пола сидела на коленях, подоткнув под них что-то невесомое и почти прозрачное. Сидела на кровати, размеры которой на мгновение ошеломили подполковника.

– Это как же ее в комнату заносили, – восхищенно удивился он, – не меньше чем три на три метра.

Перед кроватью, почти упираясь в край комнаты Александра, затерялся своими размерами сервировочный столик. Затерялся размерами, но не сервировкой.

Огромный торт – из тех, который в обычном ресторане, по крайней мере в саратовском, не закажешь; бутылка шампанского – того самого джеймсбондовского «Дом Периньон», которое Кудрявцеву однажды (в рамках Задания, конечно – а как же иначе!) довелось испробовать. Ну что сказать? – что-то такое в этом игристом вине было. Но ничуть не больше, а скорее намного меньше, чем в женщине, скорее девушке, ошеломленно глядевшей сейчас на него.

Лет двадцати, а может и меньше; белокурая настолько естественно, что о краске для волос не хотелось даже думать; стройная и женственная до безупречности, чего полупрозрачное одеяние не только не скрывало, а наоборот, подчеркивало.

– Зато у меня крыша есть, – немного ревниво подумал подполковник. И действительно – в то время, как над остатками его комнаты также неизбежно как и прежде располагались плиты перекрытия, побеленные когда-то все тем же прежним хозяином (а может и предыдущим – Кудрявцев не интересовался) – над остатками жилища прекрасной незнакомки вовсю сияло нежной синевой небо, подсвеченное яркими лучами восходившего солнца. Яркими и удивительно жаркими для сентябрьского Саратова – это Александр почувствовал даже в тени своей полукomнаты.

В этих лучах Кудрявцев с непонятной для себя радостью разглядел в соседке изъян – на ее красивом, он бы даже сказал аристократично красивом лице было слишком много косметики. Так много, будто незнакомка шампанским и монументальным тортом собралась праздновать по крайней мере полувековой юбилей. Грим этот скорее уродовал, чем красил хозяйку. А когда она повернула гордо посаженную голову направо, открыла широко рот и мазнула рукой по лицу, словно не веря своим глазам, красота ее вмиг превратилась в нечто жуткое, искаженное ужасом.

Вслед за судорожным движением ее руки вскочил и Александр. Вскочил как привык – внешне неторопливо, плавно – в то же время стремительно, успев поставить на место стул и обогнуть не самый маленький по размерам двухтумбовый стол раньше, чем изо рта незнакомки исторгся удивительно высокий и оглушительно громкий крик.

– Нетребко, блин, – весело усмехнулся Кудрявцев. Почему-то ничто не тревожило его; энергия бурлила в организме, словно ему, подполковнику, было двадцать, впереди ждала полоса препятствий, а вокруг так же беззаботно и напористо бегут друзья однокашники – курсанты Ташкентского высшего военного общевоинского училища.

Некоторым – совсем ничтожным, комариным – диссонансом настроению послужила гильза, отлетевшая от носка берца (все таки выстрел в висок был!) и штаны, часть знаменитой полевой формы российского десантника, которые уже на втором шаге почему-то поползли вниз. Так – с АПС в правой руке и ремнем, поддерживаемым левой, он спрыгнул в соседнюю комнату. Именно спрыгнул, постольку паркетный пол там оказался сантиметров на двадцать ниже его линолеумного.

Этот факт подполковник отметил краем сознания. Гораздо важнее было заткнуть фонтан нестерпимого человеческого уху звука, что он и сделал, отвесив соседке оплеуху – экономную (чтоб следов не осталось) и в то же время достаточную, так что красавица отлетела на собственную кровать и там замерла, глядя испуганно и с какой-то необъяснимой надеждой на Кудрявцева.

– Ну что ж, будем соответствовать, – ухмыльнулся он, обозревая картину так ужаснувшую незнакомку.

Кусок чего-то железного и непонятного, больше всего похожего на переднюю часть паровоза (или электровоза – пока было неясно) еще покачивался на отрезке рельсового пути метров пяти длиной и в такт этому куску дергалось то небольшое, что осталось невредимым от раз-

давленной многотонным грузом женщины. Еще одной женщины, неведомо как оказавшейся рядом с разоренным жилищем Александра.

Абсолютно невредимой в этих жутких останках была только рука, до сих пор неведомо чьими промыслами сжимавшая в ладони книгу – серенький невзрачный томик еще из тех, советских изданий, в которых красок было поменьше, а смысла побольше. Даже не взглядываясь, Кудрявцев мог со стопроцентной точностью (ну почти стопроцентной) выдать название книги: "Лев Толстой. Анна Каренина». Именно по этой книге он когда-то давно писал сочинение. Какой это был класс Александр не помнил; зато он помнил чувство безмятежности и железобетонной уверенности в завтрашнем дне – чувство, безнадежно утерянное в начале девяностых.

Этой незнакомке ничем нельзя было помочь. Единственное – укрыть от нескромных взоров. Что он и сделал, содрав с необъятной кровати что-то непонятное и очень приятное на ощупь, чем можно было накрыть всю грудку железа. Слабый порыв соседки, попытавшейся привстать на кровати, Александр проигнорировал и, завершив скорбное дело, направился на разведку местности – дело, которому он тоже был весьма и весьма квалифицированно обучен.

Брюки, благодаря широкому ремню, ужатому сразу на три дырочки, больше не падали, и подполковник Кудрявцев, отступив метров на двадцать, к самой опушке леса (какой лес в густонаселенном микрорайоне Саратова?!), оглядел место локальной катастрофы. Как иначе можно было назвать нагромождение странных развалин, с крышами и без них, будто постриженных гигантской косой каждое на своем уровне; обломки каких-то машин и механизмов, в одном из которых он с удивлением узнал переднюю половину КАМАЗа, задравшую лобовую часть целой на вид кабины, из которой пытался выбраться рослый мужик в комбинезоне. Чьи-то ноги торчали между кабиной и частью кузова – оттуда, где никаких пассажирских мест конструкцией грузовика не предполагалось.

Рядом в стену такой же, как кудрявцевская, полукомнаты упирались три трубы метрового диаметра длиной, как прикинул подполковник, в те же пять метров. Нет – в верхней было поменьше – метра три. Из глубины одной из нижних, длинных, доносилось басовитое рычание собаки (точнее собак, поскольку рычание перемежалось более звонким влаетиванием). Там же кто-то истерично бормотал, но Александр не бросился немедленно на подмогу, поскольку ни в лае, ни в рычании никакой агрессии не распознал. Как рычит пес, бросившийся на человека, он знал слишком хорошо; еще лучше он знал, как эту агрессию пресечь. Самым фатальным для агрессора образом.

Перечислять все то безобразия, что Кудрявцев оглядел практически мгновенно, можно было долго. Ему же хватило лишь этих самих мгновений, затем неторопливо, примечая каждую мелочь, и откладывая ее в память так же надежно, как в любом другом серьезном Задании (а для Александра все Задания были серьезными), он направился по часовой стрелке вокруг этих Содомы и Гоморры, в центре которых островком надежности и благополучия возвышался сруб – скорее всего бани, из трубы которой лениво вился дымок. В отличие от других строений различной степени разрушения, с крышей и без нее, но не выше трех метров каждое, баня была абсолютно целой, с надстроенным над срубом вторым этажом, обшитым вагонкой и крышей, покрытой металлочерепицей зеленого цвета.

В ее целостности Кудрявцев убедился достаточно быстро, обойдя по периметру зону бедствия, которая представляла собой практически правильный квадрат со стороной метров двадцать пять. Уже завершая осмотр, он немало подивился способу, которым прибыл сюда хлипкий паренек с чемоданом в руке. Сам парень лежал на крыше небольшого красного автомобильчика – «Мазды» -двойки, за рулем которой сидела, судорожно вцепившись к руль, молодая женщина с упавшей на правый глаз русой прядью волос. Позади – с заднего сиденья – виднелись две детские мордашки. Возраст детей в сумраке салона определить было сложно,

но не больше семи-восьми лет старшей; второй, мальчик, и вовсе должен был посещать ясельную группу, если он, конечно, ходил в садик.

Парень на крыше автомобильчика подполковнику почему-то сразу не понравился. Может потому, что в глазах его Александр каким-то образом угадал следы похмелья – алкогольного или, скорее, наркотического. Наркоманов он особенно не любил; больше ненавидел только наркодельцов – слишком много жертв их «деятельности» пришлось увидеть на своем веку; и за «речкой» и дома.

Кудрявцев опустил глаза вниз – на чемодан серого цвета, ручку которого парень стискивал так, что побелели кончики пальцев. Александр вдруг замер и построжел лицом: где-то вдали в направлении, противоположном восходу солнца, прогремел взрыв; затем – через несколько мгновений, автоматная очередь – длинная, на весь магазин. Закончилось все сухими одиночными выстрелами – настолько тихими, что услышать их мог только человек, который такие звуки воспринимал автоматически, поскольку часто от этого зависела его жизнь. Его и его товарищей. А еще зависело – будет ли выполнено очередное Задание.

– Километров шесть-семь, не меньше, – машинально отметил он и, уже не останавливаясь, стремительным броском добрался до огромного сухого дерева на опушке леса, откуда, собственно, и начал разведку. Планы неторопливого, вдумчивого обследования местности надо было корректировать. Почему-то Кудрявцев почувствовал ответственность за людей (и животных), которые все еще копошились в своих персональных развалинах.

Незнакомка в роскошном пеньюаре все также лежала на кровати, чуть вздрогнув при появлении подполковника, и еще ошутимее – как только он выкрикнул хорошо поставленным командирским голосом в рупор из собственных ладоней:

– Внимание, внимание! Товарищи!.. Господа!... Граждане! Общий сбор у большого сухого дерева в направлении восхода солнца. Повторяю! Общий сбор у большого сухого дерева в направлении восхода солнца. Так, – добавил он уже вполголоса, – вроде всех пригласил, никого не забыл? Если только... Собак!

А последние и появились раньше других в точке сбора. Первым выметнулся из-за единственной сохранившейся стены соседки красавец алабай – явно жутко породистый и ученый. Затормозив всеми четырьмя лапами в двух шагах от Александра, пес не бросился на него, не залаял. Глухо kloкотавшие в его глотке звуки подполковник расшифровал и как приветствие, и как вопрос, который в силу понятных причин не мог быть задан на обычном русском языке: «Что, черт возьми, здесь происходит?»

Следом за этим красавцем палевого цвета выскочили, путаясь в поводках, которыми почему-то были накоротко спутаны, две восточно-европейские овчарки, «девочки» – значительно меньшие по размерам первой громадины «мальчика», но тоже явно благородных корней. Благодаря этим поводкам овчарки остановились не так изящно и монументально; коротко взвизгнули и тут же умолкли, услышав негромкий повелительный рык алабая.

Так они и застыли втроем перед Кудрявцевым, не обращая внимания на людей, собирающихся за ними полукругом. Выходили люди по одному, по двое; втроем держались друг друга лишь давешняя водительница «Мазды» с детьми да пара, ведущая за руки мальчика лет пяти-шести. Растерянность и ошеломление читались во всех лицах. Кудрявцев, машинально пересчитывая подходивших к нему мужчин, женщин и детей вдруг понял, что так резало глаз в этих фигурах – практически все они были одеты как-то странно, будто в наряды с чужого плеча. Мужчины – так же как недавно Александр, украдкой придерживали нижние детали костюмов; женщины, напротив, старались обернуть потуже верхние – блузки, кофты. А кое кто и что-то более интимное – как например невысокая темноволосая девушка, вышедшая из половинки комнаты смежной с его, кудрявцевской. Она старательно оборачивала вокруг себя широченную ночную рубашку бледно-голубого цвета. Даже на непросвещенный в подобных вопросах взгляд подполковника, это одеяние гораздо органичнее выглядело бы на семидесятилетней

старушке. Девушка, наткнувшись на его чуть насмешливый взгляд, густо покраснела – видимо ее взгляды на ночное женское белье не сильно отличались.

– Тридцать, тридцать один... тридцать два, – Александр покосился на красавицу-соседку, так и не вставшую со своей кровати. О! – тридцать три, – где-то совсем недалеко прозвучал такой знакомый и такой уместный сейчас призыв: «Люди! Ау! Помогите-е-е!»

Причем прозвучал как-то глухо, будто из-под земли. Люди, к которым и был обращен крик души какого-то неизвестного бедолаги, заозирались, невольно улыбаясь, а Кудрявцев уже скользнул стремительной тенью меж развалин, многие из которых, казалось, были готовы обрушиться в любой момент.

Призыв действительно исходил из-под земли – точнее со дна квадратного водоема глубиной метра два, который еще совсем недавно был полон воды. По его идеально ровным железобетонным берегам еще сочилась влага, а на дне, на песке, в центре квадрата пять на пять метров, в резиновой лодке с мотором на корме сидел паренек в камуфляже и шляпе с удочкой в руках. Сидел и обалдело глядел на подполковника.

– Вот и порыбачил, дядя, – хмыкнул Кудрявцев и, уже погромче, – давай руку, дружище.

Парень поднялся, осторожно переступил через круглый резиновый борт и прошлепал по песку к бетонной стене, с которой, склонившись, протягивал ему руку Александр. Миг – и рыбачок был наверху, а через считанные мгновенья, увлекаемый крепкой рукой, оказался в толпе, среди товарищей по несчастью.

Подполковник, вновь занявший свое место в центре полукруга, перед людьми и тремя четвероногими слушателями, на мгновенье задумался, а затем громко и четко, как когда-то перед личным составом, представился:

– Я подполковник российской армии Кудрявцев Александр Николаевич... В соответствии с Уставом Вооруженных Сил Российской Федерации на время отсутствия представителя гражданской администрации принимаю на себя командование...

– Но позвольте.. – несмело попытался что-то возразить паренек в пиджаке размера на три или четыре больше необходимого и толстенных очках на внушительном носу.

– Не позволю! – отрезал подполковник, – все обращения только согласно Устава.

Вообще-то цитируемый Устав безобразий, подобных сегодняшним, никак не регламентировал, но Кудрявцев весьма сомневался, что кто-то из трех десятков человек когда-то изучал этот документ. Кроме самого подполковника, конечно; ну, может еще пары мужичков, выделявшихся из толпы своим более подтянутым видом; даже одежда на них сидела вполне естественно, не свисая с широких плеч.

– Ну эти точно служили, – обрадовался он.

Еще больше он обрадовался, когда на предложение: «Поднимите руки, кто понимает русский язык», – руки подняли все, даже дети. Казалось, собаки сейчас тоже поднимут лапы, но поскольку для них команды не было, то звери и не шелохнулись.

– Что, все русские? – не поверил Кудрявцев, когда все опять таки дружно кивнули. Не поверил, потому что где сейчас в России, в каком самом глухом уголке ее можно оглянуться и не увидеть среди трех десятков славян пяток смуглых азиатских физиономий, двух-трех горбоносых кавказских, а ближе к Тихому океану и десяток-другой круглолицых китайских и вьетнамских. Нет, он не был шовинистом или расистом, но как-то душу грело, что очередное Задание – а так теперь определил для себя дальнейшие действия Кудрявцев – будет направлено на благо русского народа.

– Да-а-а... Народ еще тот! Ну ничего и не таких строили, – а дальше уже вслух. – Товарищи! (именно такое обращение подразумевал Устав) Первой и главной задачей определяю безопасность гражданского населения, – он специально строил речь казенным языком, не приемлющим никаких дебатов, – для чего:

Первое. Переписать население (все три десятка).

Второе. С учетом выявленных навыков и способностей определить каждому круг обязанностей для обеспечения выживания всех. Да, да – выживания!, – о далеких взрывах и стрельбе он пока предпочел не упоминать, чтобы не пугать народ раньше времени.

– А может, вызовем МЧС? – предложил робкий женский голос.

– Попробуйте, – Кудрявцев уже убедился, что никакой спутниковой связью вокруг и не пахнет, хотя мобильник исправно показывал половину зарядки.

У всех тут же, как по мановению волшебной палочки, появились разнокалиберные и разноцветные устройства и люди (как подозревал Кудрявцев, большинство не в первый раз) принялись тыкать пальцами в кнопки. Естественно безрезультатно.

Александр тем временем зашагал к толпе – четко, как на плацу, благо едва отросшая трава позволяла печатать шаг. Зашагал прямо, ни на сантиметр от линии, проложенной взглядом к девушке, единственной из присутствующих оказавшейся в деловом костюме, слегка примятом и испачканном, словно ей пришлось проползти некоторое количество метров по запыленной поверхности – не больше пяти, уже понял Кудрявцев. Линия эта проходила аккуратно по ногам алабая, пока еще безымянного, и тот убрался с дороги, хоть и с глухим рычанием, понимая наверное кто здесь и сейчас главный.

– Вот вас, девушка, как зовут? Кто вы и откуда?

– Котова Марина Сергеевна, – тут же ответила девушка, – работаю... работала секретарем и по совместительству начальником отдела кадров завода железобетонных изделий. Всю жизнь – почти тридцать два года.

– Сколько?! – поразился подполковник. Девушка, которой на вид было не больше двадцати, была (он быстро прикинул в уме) не намного его моложе.

– Да, – с гордостью подтвердила Котова, – с первого марта одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года – тридцать один год и семь с половиной месяцев.

– Дела, – опять удивленно протянул он, – ну хорошо. Внимание, – уже громче, для всех, – Марина Сергеевна Котова назначается заместителем командира по кадровой работе. Сейчас всем, в первую очередь женщинам и детям пройти регистрацию.

Подполковник перевел взгляд на стоящую рядом пару – крупного, гораздо крупнее его самого, парня, который удерживал за шиворот пиджака второго – значительно меньшего габаритами. На правом глазу последнего наливался внушительный фингал.

– Фамилия, имя, отчество, – потребовал у здоровяка Кудрявцев, – к-ем работаешь; где служил; звание?

Почему-то он не сомневался, что парень не из тех, кто когда-то всеми силами и любыми средствами откосил от действительной.

И точно – здоровяк (отпустив пиджак соседа, отчего тот едва не растянулся на траве, удержав равновесие в последний момент) собрался внешне и внутренне, втянул и так не сильно выпирающий живот и отчеканил, вытянувшись по стройке «Смирно»:

– Дубов Виталий Александрович, водитель лесовоза «Фискарс»; старший сержант запаса, демобилизовался в две тысячи пятом году – замкомвзвода роты бетонных работ инженерно-саперного батальона...

– Что, реально «бетонных работ»?! – так часто, как сегодня, Кудрявцев еще никогда не удивлялся. А ведь день только начался...

– Так точно, товарищ полковник! – гаркнул бывший старший сержант, и Александр удовлетворенно кивнул – парень службу знал, вон как непринужденно проглотил приставку «под».

– За мной! – скомандовал подполковник и кивнул на второго парня – Ты тоже!

Через минуту они обогнули и кровать соседки Александра, и сервировочный столик, который парень, на ходу представившийся Ершовым Виталием Васильевичем, художником из Перми, едва не перевернул – так загляделся на коленки красавицы. Кудрявцев едва успел выдернуть Ершова из опасной зоны и отпустил его рукав только у собственного стола. Совсем

скоро стол стоял под солнцем, перед Котовой, основательно утвердившейся в любимом кресле Александра, которое он сам любезно и принес своему заму по кадрам – пока единственному заместителю.

Однако переключка, или перепись, так и не началась – опасливо обогнув алабая, вернувшегося на свое место, перед Кудрявцевым остановился еще один здоровяк, немного помельче первого и не такой опрятный. Его камуфляжный костюм был здорово помят, густо покрыт масляными и какими-то иными пятнами, а на плече еще и здорово надорван. От него даже на расстоянии полутора метров – оттуда, где он остановился, не решившись видимо подойти к подполковнику вплотную – несло водкой, вернее самогонкой. Вряд ли какой завод решился бы выпустить официально напиток с такой концентрацией сивушных масел.

Однако речь его оказалась вполне трезвой, хоть и не такой связной, как у Дубова:

– Там, товарищ полковник..., товарищ подполковник... Там, – парень в замызганной спецовке все тех же лет двадцати (парень, конечно, не спецовка; хотя...), – Так вот, – парень махнул рукой куда-то вглубь развалин и зачистил словами, – там бабка Оля, нет, она живая еще, шевелится, только кровящи натекло... А как я ее один вытащу – трактор ведь ни туда, ни сюда... Вот!

– Ага, – догадался Кудрявцев, – тракторист. Ухитрился не только в развалины заехать, но и придавить кого-то. Не кого-то, а бабку Олю, – поправил он сам себя.

– Марина Сергеевна, начинайте без меня, – подполковник огляделся, – сержант, ты, ты и... вы. Пятым кроме названного Дубова, Ершова, тракториста и, естественно, самого Александра, в спасательную команду попал представительный, хотя и молодой мужчина, который совсем скоро назвался Романовым Алексеем Александровичем, профессором кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского университета, пятидесяти четырех лет отроду (чему подполковник, даже глядя на пышущего юношеским румянцем лицо профессора, удивился как-то отстраненно – привык наверное к подобным казусам). Он и к себе-то стал прислушиваться и присматриваться, если только можно было назвать так быстрый экзамен, устроенный собственному физическому состоянию на ходу незаметно от других. Что бы подумал тот же профессор увидев, как мужчина в форме подполковника российских десантных войск принялся бы на ходу крутить сальто, причем падая перекатом на голый бетонный пол без всяких последствий для организма, а затем этот же пол ломая голой рукой.

– Хвастун и дурак, – вот что подумал он сам, одновременно наливаясь до предела внутри диким восторгом оттого, что организм действительно чувствовал себя превосходно; не болело даже внизу живота, где последние полгода тянула и тело и душу нудная непреходящая боль, из-за чего, собственно и произошла вся история с бессонной ночью восемнадцатого сентября две тысячи пятнадцатого года, с автоматическим пистолетом Стечкина – самым преданным и надежным другом Кудрявцева, и с пальцем на его курке.

– Никому я в этом мире не нужен, – вспомнил он вдруг последнее, о чем подумал перед своим выстрелом, закончившимся так необычно, – а вот хрен вам, ребята! Я еще очень даже нужен – хотя бы вот этой бабке Оле.

Последняя лежала, накрытая какой-то грудой из переломанных досок и всяческой рухляди, которая годами копится в любом деревенском сарае – а именно сюда въехал трактор Анатолия Анатольевича Никитина, как оказалось ровесника профессора – и по официальному возрасту, и по внешнему виду.

Бабка Оля действительно шевелилась и даже слегка постанывала. Кудрявцев вдруг не к месту улыбнулся, подумав, что неведомая пока Ольга окажется очень бойкой старушкой... лет двадцати. Никто из бойцов профессорского и иного рядового состава улыбки этой видеть не мог, потому что все дружно разгребали завал; кроме командира, естественно. Александр задумчиво разглядывал что-то сельскохозяйственное и непонятное – фрезу или культиватор – которым трактор упирался в железобетонную стену, раньше бывшую частью чьей-то квартиры.

Назад четырехколесной «Беларуси» ходу не было, если только уронить стену. Однако такой вариант подполковник пока даже не рассматривал – и трудоемко, и опасно, а главное – на все эти стены, крыши, подвалы у него уже были планы. Причем далеко идущие.

Бабу Олю, действительно оказавшейся молодухой, да такой красивой, что вполне могла поспорить с аристократичной соседкой Александра, уже освободили от всех обломков, но не от левого переднего колеса трактора, которое прижимало женщину к фундаменту. Стены сарая над ней не было – ее всю вынесло вперед бампером МТЗ, явно самодельным, сваренным из швеллера двадцатки, для которого тонкие бревнышки не были преградой.

Поэтому подполковник сейчас имел удовольствие лицезреть не только своих бойцов, таких разных, Ольгу, которую ну никак не мог называть бабкой, но и лес метра в двадцати. Лес редкий, светлый, состоящий из громадных деревьев неизвестной породы, но явно не сосен, елей или лиственниц – какие там еще хвойные могли произрастать рядом с Саратовом?

Тракторист Никитин с виноватой похмельной физиономией первым предложил:

– Может, колесо припустить?

– Ага, – с иронией упрекнул Дубов, – недодавил, да? Чего тебе бабка сделала? У ней и так наверняка несколько ребер треснуло. Еще сантиметров пять-десять и все – каюк. Ты где, давилыщик, работал?

– Где-где? В лесхозе, или как он там сейчас называется – какое-то ГАУ.

– Разлаялся тут, – проворчал здоровяк, – что, ни разу не застревал в лесу? Хватай вон стропилину – вываживать будем.

Кудрявцев не вмешивался – тут мужики были в своей стихии. Уже через минуту два парня, без помощи остальных, используя закон рычага, о котором они скорее всего из далеких школьных лет не помнили, приподняли передок трактора достаточно высоко, чтобы подполковник с Романовым быстро и аккуратно выдернули Ольгу. Ее красивое лицо было перекошено гримасой боли, но видимых ран было немного. «Кровищца» оказалось длинной царапиной на правой руке, кровь из которой была размазана от локтя до ладони. Впрочем и кровь, и сама царапина уже вполне подсохли и никакой опасности не представляли.

– Ольга, вздохни глубоко, – наклонился над лежащей на нескольких относительно целых досках девушкой Александр.

– Ты мне, парень, не тыкай, – оскорбилась та, – я твоей мамки буду постарше наверное.

Матери своей подполковник не знал – вырос он в детдоме, а семьей своей считал армию. Но ничуть не обиделся, привык как-то не замечать такие непонятные для обычных детей бестактности еще в детстве. Зато понял, что с внутренними органами у Ольги все в полном порядке. С такой экспрессией наезжать на мужика, только что спасшего ее из-под завала, не каждая здоровая баба сможет.

Тут заржал Анатолий – отпустило, видимо, парня чувство вины:

– А меня ты не узнаешь, баба Оля? Толя я, Никитин...

– Сгинь, засранец, – замахала на него женщина здоровой рукой, и тут же скривилась – видно ребра все-таки были повреждены.

– Берите ее на руки, – мужики, – скомандовал Румянцев Дубову и Никитину, но Виталий, отстранив рукой сунувшегося было выполнять приказ тракториста, сам подхватил Ольгу. Да подхватил так бережно и нежно, что последняя даже охнуть не успела. Или опыт имел в таких делах немалый, или... Ну об «или...» пока было рано даже загадывать, хотя такую женщину и сам подполковник носил бы на руках – значительно дольше, чем занял путь до огромной многоспальной кровати, на которую Ольгу и выгрузили не менее осторожно и бережно.

Остальные подошли тоже не с пустыми руками. Парнишка с фингалом и профессор Романов несли по штыковой лопате, откопанных в развалинах сарая, а тракторист – совковую, да еще лом устрашающего веса и остроты, обнаруженный в неразрушенном углу того же строения.

На молчаливые взгляды бойцов подполковник даже не ответил – погибшая женщина рядом с его квартирой, возможные трупы еще где-то в развалинах, пекло наступающего дня – какие могут быть еще вопросы? Впрочем профессор, помедлив, понимающе кивнул.

Толпа (пока еще толпа), кажется не шелохнулась. Даже алабай сидел на месте. А вот «девочек» овчарок не было. Скорее всего унесли в лес пометать территорию (или этим только кобели занимаются?)

– Не запутались бы там, – проходя мимо собаки, тревожно подумал Кудрявцев, – а этому надо имя давать.

Алабай даже не шелохнулся, не проводил его глазами, не отрывая взгляда от Котовой.

– А ведь он охраняет! – ахнул мысленно, – мой стол, мое имущество охраняет! Умница, зверь! Я тебе такое имечко подберу – всю жизнь гордиться будешь!

Между тем Котова, изредка поглядывая настороженно на сурового зверя, вся светилась гордостью – как же, она теперь не толпа, она при деле. О чем тут же и доложила подполковнику, протягивая ему стопку листов, исписанных каллиграфическим почерком. Слова, имена, даты складывались в нереально ровные строчки.

– Да... Опыт не пропьешь, – подумал Кудрявцев весело. Однако по мере того, как один листок сменял другой, лицо его скучнело. Он прежде всего искал между строк сведения о профессиях, навыках людей – секретарь-референт, понятно, продавщица..., пенсионерка – бывшая охранница на заводе..., бывшая бухгалтерша..., еще продавщица..., предпринимательница..., учительница начальных классов. О! – вот светлое пятно – старшая медсестра онкодиспансера; стаж работы тридцать два года. Как с такими работать!?

Он перевернул последний лист – на мужиков данных пока не было, но что-то подсказывало Александру, что там картина будет не намного лучше. Хотя... Водитель, тракторист, профессор тоже не лишним будет, да и сам он...

Мария Сергеевна (смотри-ка, не забыл как его первого и пока единственного зама зовут!) тем временем отчитывалась:

– Женщин и детей переписала полностью, кроме вновь прибывшей и вон этой, – Котова кивнула головой в сторону соседки-красавицы, поменявшей к этому времени позу на полулежащую, с упором на локоть – весьма соблазнительную, точнее соблазняющую. Всех имеющихся в наличие мужчин, а их набралось человек пятнадцать, или чуть больше.

Впрочем, на кровати лежали уже две красотки, и вновь прибывшая мало в чем уступала хозяйке – разве что наряд был поплосше. Да и нарядом-то эту одежду можно было назвать с большой натяжкой – так, одежкой. А в чем еще могла пойти в деревенский сарай деревенская же бабушка.

– Ничего, – Кудрявцев будто уже планировал что-то на будущее, – мы тебя, Оленька, еще приоденем..., – и, уже вслух, обратился к соседке, – в чем дело, дамочка? Приказы вышестоящего начальника не выполняем? Это, знаете ли, чревато...

Незнакомка чуть поморщилась – не привыкла, видимо к подобному обращению. А Александру было плевать – приличное обращение нужно еще заслужить. Она соскользнула с кровати красивым текучим движением, постаравшись обогнуть лежащую на краю Ольгу максимально дальше и скоро стояла напротив него, благоухая чем-то неземным настолько сильно, что Кудрявцев невольно поморщился. Грим на ее лице был так же размазан, особенно там, где ее наградили оплеухой, но это красотку не смущало. Грациозно вскинув правую ладонь к голове (пустой, – опять поморщился он) она высоким громким голосом выкрикнула:

– Товарищ Главнокомандующий! Хочу представиться Вам лично, – и указательным пальцем другой руки ткнула в Котову, – Пиши!

Последняя, взглянув на подполковника, вытянула из пачки бумаги одиннадцатого формата верхний лист (Мои запасы, кстати, – вдруг зажадничал он).

– Иванова Кристина Юрьевна, город Москва, год рождения девятьсот шестьдесят пятый... Одна тысяча девятьсот шестьдесят пятый, – поправились она, увидев, как вытягивается от удивления лицо собеседника, – восемнадцатое сентября...

– Ага! – воскликнул Кудрявцев, – значит день рождения сегодня. Поздравляю!

Красотка не успела поблагодарить Александра, потому что он обратился уже ко всем – громко, по-командирски:

– Товарищи! Давайте все вместе поздравим Кристину Юрьевну, у нее сегодня юбилей – исполнилось ровно пятьдесят лет.

Она не успела остановить – мол, возраст женщины это только ее тайна – зло поджала губы и сквозь недружные аплодисменты продолжила:

– Профессия... ну, профессия... очень свободная.

– Это как? – не понял Кудрявцев.

– Да шалава она, – захохотал Никитин, который стоял, поигрывая ломиком в руках, – с трассы какой-нибудь.

– Я с тобой на одной трассе даже по... рать бы не села, – с возгласом оскорбленной добродетели Иванова отвернулась от всех.

А тракторист не унимался с тем же игривым хохотком:

– Вот стерва, а! И красивая ведь, я таких красивых еще и не видел вживую.

Подполковник оборвал его:

– Отставить, Никитин! И это – поосторожней с ломиком – еще тебя лечить от колотой раны.

Кристина тем временем зашагала к лесу; даже не так – она буквально поплыла к деревьям будто по подиуму, выпрямленной в струнку спиной выражая всем презрение и негромко напевая:

– Ах как я была влюблена, и что теперь?

Я думала это весна, а это оттепель...

– Иванова, стоять! – выкрикнул Румянцев, первый уловивший неясный шум, треск ломаемых кустов и чье-то громкое пыхтение, переходящее порой в натуральное хрюканье.

И тут впервые сегодня голос подал алабай. Оказавшийся вдруг рядом с подполковником, у его правой ноги, так что рука Александра очень органично легла псу на широкий лоб, он оглушительно залаял, то ли возмущаясь поведением женщины, не исполнившей приказ, то ли предупреждая ее об опасности. Спина Ивановой вдруг потеряла стройность, словно опять приняла на себя груз пятидесяти прожитых лет, песня прервалась и женщина начала медленно поворачиваться к толпе, к своей комнате, кровати и столику с юбилейным тортом, когда мимо нее – метрах в трех – промчалась неразлучная пара – связанные поводками овчарки. Они помчались вдоль опушки, словно не желая привести за собой к людям монстра, догоняющего их, пыхтящего и похрюкивающего. Если он и был свиней, то свиней невероятной, громадных размеров; лохматой; с длинными ногами, на которых она стремительно пронеслась мимо Кристины, едва не сдув ее мощным потоком воздуха.

Зверь был уже где-то посредине между замершей женщиной и остальными людьми, когда наперерез ей из лесных зарослей мелькнула другая тень – гораздо более быстрая и смертоносная. Хищник упал свиные на спину; покотившись кубарем она дико заверещала, до тех пор пока на солнце не сверкнули ослепительно белые клыки размером с небольшие кинжалы, и визг резко оборвался, перейдя в мучительные предсмертные хрипы, когда это оружие вонзилось в живую плоть и одним молниеносным движением выдрало у жертвы половину шеи.

А хищник уже чуть в стороне от бьющейся в последних судорогах свиньи пригнулся к земле, готовясь к новому прыжку.

И тут Кристина закричала – еще пронзительней и громче, чем утром. Этим она невольно отвела, по крайней мере отсрочила гибель многих. Зверь, казалось готовый уже прыгнуть

в толпу, обрушился на нее. А за криком Ивановой никто не услышал сухой треск двух выстрелов из Стечкина. И только Кудрявцев, зло ругаясь на низкое останавливающее действие девятимиллиметровых пуль, отметил как брызнуло кровью от ран на теле хищника. После таких выстрелов долго не живут, но этот монстр, свирепостью и мощностью превосходящий всех, кого только мог представить Александр, не успокоился.

Сломав Кристину, как куклу, он повернулся к подполковнику, безошибочно угадав единственного тут врага и, невероятно широко разинув ужасную пасть, прыгнул. От Кудрявцева его отделяло метров пять; прыжок был по прежнему стремительным, но за эти мгновения Александр успел сделать удивительно много: аккуратно вогнать в эту пасть еще две пули, выдернуть из-за стола Котову и, буквально вложив ее в руки тракториста, вырвать из его руки лом.

Хищнику, если тот и намеревался прыгнуть следом, не повезло – обрушившись на середину стола, за которым только что сидела Мария Сергеевна, он проломил середину столешницы и упал, придавленный двумя тяжелыми тумбами. Тумбы тут же полетели в стороны, разламываясь в полете на множество обломков и извергая из себя добро, которое так старательно охранял алабай. Сам он, кстати, оказался тоже весьма проворным. Кудрявцев только вытянулся в замахе, собираясь послать лом острием в локальный ураган из остатков стола, вырванной с корнем травы и живой хищной плоти, а пес уже был у ноги, готовый к бою.

Лом полетел вперед – мощно и прицельно. С пробитым насквозь туловищем зверь, казалось, получил новые силы – но совсем ненадолго. Вот ураган стих и огромная тварь, цветом шкуры и статью напоминавший алабая, только раза в четыре крупнее его, вытянулась на обломках стола. Он был грозен и красив, а голова с клыками-кинжалами могла украсить любую коллекцию.

Кудрявцев сначала направился к Кристине – точнее той переломанной груди мертвой плоти, которая совсем недавно была прелестной девушкой. Толпа только сейчас словно выдохнула одной огромной грудью, кто-то звонко заголосил, а самые смелые уже догоняли подполковника.

– Позаботьтесь, – кивнул он на тело двум девушкам, с которыми не успел еще познакомиться и вернулся туда, где хищника уже окружили самые отважные. Естественно, мужики. Среди них толпились Дубов с профессором, Никитин, тянувший из огромной кошки лом; ближе всех, на удивление, почти навис над зверем тот самый хлюпик, пытавшийся раньше возникнуть против Устава. Его толстые очки были заляпаны кровью – значит он не побоялся поковыряться в рваных отверстиях.

Профессор, видимо знакомый с этим смельчаком, обратился к нему необычайно мягким голосом:

– Роман Петрович, голубчик, вы бы сняли очки.

– Да? – Роман Петрович повернулся и медленно стянул с переносицы такой жизненно важный прежде аксессуар, – господи, да как же хорошо видно!

Он снова повернулся к зверю и ахнул:

– Не верю глазам своим, Алексей Александрович! Так не бывает!

– Что не бывает? – перевел разговор на себя Кудрявцев.

– Да это же махайрод, настоящий махайрод, – Роман Петрович в сильнейшем возбуждении пытался обмерить пальцами длину клыка. Одной его ладошки явно не хватало.

– Ну махайрод, и что – завалили ведь..

– Как вы не понимаете!? Они же вымерли черт знает когда! Последнего махайрода, убили, если не ошибаюсь – два миллиона лет назад.

– А вот тут, профессор, вы точно ошибаетесь. Последнего махайрода убили всего пять минут назад. И что-то подсказывает мне, что этот махайрод далеко не последний, – с грустной улыбкой подвел итог подполковник Кудрявцев.

Глава 2. Профессор Романов. День первый – до полудня

Только в этот момент туман в голове рассеялся и профессор стал воспринимать мир вокруг адекватно – если можно было так назвать безобразие, творившееся кругом. Страшное, надо заметить, безобразие. Стоило только повернуть голову вправо – туда, где две женщины укутывали белой простыней третью. Вернее то, что от нее осталось.

Еще страшнее было глядеть вниз. И как только Роман Петрович, обычно человек робкий и стеснительный, лезет пальцами в густую лоснящуюся шерсть, в рваные раны – особенно ту, откуда парень (кажется тракторист по имени Анатолий) только что с трудом вытянул лом.

А он, профессор, еще удивлялся – зачем вояка (подполковник Кудрявцев – так он себя назвал) – заставил тащить эту тяжеленную железяку. И еще лопаты! Он опять поглядел направо – ну этого подполковник никак не мог предполагать. Хотя какие мысли могли тесниться в голове подполковника Румянцева? Профессор не то чтобы презирал или не любил военных – просто прежде сталкивался с ними чрезвычайно редко. В его жизни, четко распланированной, починенной жесткому распорядку, им места не было.

Теперь этот распорядок ушел в прошлое, как полагал Романов, безвозвратно. В то самое прошлое, в котором еще меньше часа назад он сидел напротив доцента Игнатова, за шахматной доской в собственной квартире, в зале, где еще чуть-чуть пахло мастикой после проведенного три дня назад еженедельной генеральной уборки – это тоже входило в распорядок.

Сам профессор на правах хозяина сидел на диване, одетый в мягкую пижамную велюровую пару темно-бордового цвета; на ногах были любимые тапки с задниками, так что вскакивая с места, когда доцент Игнатов надолго задумывался над очередным ходом, он мог спокойно мерить зал по диагонали, не боясь их потерять. Зал был большим, из старого фонда, с огромным окном и высоким потолком, по центру которого свисала шикарная хрустальная люстра. В обычной коммуналке с потолками два сорок Романов так бы не побегал.

Роман Петрович сидел в кресле напротив; щурил глаза за толстыми стеклами очков и в течении игры практически не вставал. Да и встань он – побегать ему, подобно хозяину было бы непросто: единственные гостевые тапки мало того, что были на пару размеров больше необходимого, так еще не имели задников.

Диспозиция на шахматной доске была неопределенной; все шло к ничьей. Разговор, поначалу разогретый малой толикой коньяка (а как же, гость ведь, хоть и ранний) тоже ни к чему не вел. Соперники (только в шахматах, и нигде больше) все доводы о тленности бытия и мизерности вклада обоих в развитие отечественной науки давно уже знали. Причем мизерным и бесполезным для общества оба ученых мужа признавали исключительно собственные научные достижения.

Успехи собеседника в своей области знаний обычно не оспаривались.

Вот и теперь была очередь профессора посыпать голову пеплом:

– И никому, батенька, ни мои труды, ни сам я не нужны!

В порыве уничижения он закрыл глаза, а когда открыл их, голова пошла кругом, наполнилась вязким туманом. Комната... Комната уменьшилась так, что двух стен у нее больше не было. Той, что напротив дивана с сидящим профессором, вместе с книжным шкафом, и второй, по правую руку, где раньше была дверь. На месте этой стены лежали сложенные треугольником трубы огромного – не меньше метра – диаметра. Из одной, кажется нижней правой, доносился истеричный собачий лай, рыканье; кто-то подвывал в унисон собакам совершенно неприличным голосом.

Над головой не было потолка. Совсем не было. Зато было небо – такое высокое и нестерпимо голубое и чистое, что Алексей Александрович сразу понял: это не Санкт-Петербург. Люстра, естественно, не висела на потолке за отсутствием последнего; веселый звон ее остатков о начищенный паркет профессор отметил как-то отстраненно. Это было не самым удивительным. Самым удивительным был человек, сидевший в кресле напротив. Тут теория системного анализа дала сбой – впервые в жизни Романова. Понимая умом, что это никто иной, как Игнатов Роман Петрович, доцент факультета биологии Санкт-Петербургского университета, он в то же время собственными глазами видел, особенно четко под ясным солнечным небом, молодого человека лет двадцати. Парень был одет в светлую рубашку, заметно отвисшую в плечах. Подтяжки на ней тоже отвисли, брюк, к которым они крепились, не было видно, но профессор был уверен – именно в таких брюках и пришел к нему в гости Роман Петрович.

– Не в таких, а именно в этих, – поправил себя мысленно Романов, потому что понял – напротив него сидел Игнатов. Помолодевший на три десятка лет, построивший, но все так же шуривший глаза за стеклами очков. Алексей Александрович протянул левую ладонь (в правой он так и держал «скушанного» совсем недавно белого деревянного коня) ко лбу, чтобы смахнуть выступившую испарину и... она наткнулась на волосы – на жесткий чуб, которого на лысой как коленка голове профессора не было уже лет двадцать.

Ощупывала и оценивала внезапно приобретенную шевелюру рука сама, машинально, потому что Романов вдруг вздрогнул от пронзительного женского крика, раздавшегося совсем рядом, может прямо за сохранившейся стеной. Крик так же резко оборвался и в наступившей тишине мужской, явно привыкший командовать голос пригласил всех на общий сбор к большому сухому дереву. Профессор уже забыл, когда он в последний раз видел сухое дерево – в Питере за деревьями ухаживали.

– Ну что, пойдете, коллега? – пригласил он Игнатова.

– Куда? – совершенно беспомощным от наступившей слепоты спросил тот.

– На общий сбор, разве непонятно?

И он повел доцента под руку, не спеша из-за практически полной потери зрения и спадающих тапок последнего. Впереди него процокал когтями по паркету светло-палевый пес невероятных размеров с обрезанным хвостом, выскочивший из трубы. Следом, пятясь задом, вылез парень в лохмотьях такого жуткого вида и запаха, что ученая пара невольно отшатнулась. Парень вылез достаточно шустро – видимо потому, что сразу за ним выскочила, повизгивая, пара овчарок обычных габаритов, почему-то связанная накоротке. Странная компания исчезла за стеной, обрезанной точно по линейке, следом побрели и профессор с доцентом.

А затем события, в которых сильное участие принимал и сам Романов, понеслись стремительно, без всякой системы и анализа, к которым он так привык. Впрочем, если какая-то система в происходящем и была, она могла быть понятной разве что подполковнику Кудрявцеву, который сейчас стоял рядом с профессором, умело скрывая вполне законную гордость. Да и кто бы не гордился после слов произнесенных Игнатовым в явном восхищении:

– Вы знаете, товарищ офицер...

– Подполковник.

– Что подполковник?

– Называй меня товарищем подполковником.

– Хорошо, – чуть удивился доцент такой непочтительности молодого офицера.

Себя Роман Петрович пока в зеркале не видел, а профессору просветить его о новой внешности не хватило времени.

– Так вот, – продолжил Игнатов, – на теле этого замечательного образца пять ран, и все пять ран смертельные.

– И что, вот так, не вскрывая, вы это можете утверждать? – влез в разговор Романов.

– Сомневаетесь, коллега? – Роман Петрович по привычке, словно попытавшись взглянуть поверх отсутствующих очков, повел взглядом по окружившим его и махайрода парням, пытаюсь найти среди них профессора и не находя его, стоящего, кстати в полутора метрах, сразу за подполковником.

– Значит, я тоже, – с каким-то вначале обреченным, а затем все более и более восторженным чувством воскликнул про себя Романов, – Я тоже опять молодой, здоровый, сильный! И все у меня впереди! А что у меня впереди?

Он обвел глазами, которые кстати тоже обрели недостижимую раньше зоркость, вокруг. Развалины, непонятно как очутившиеся посреди обширной поляны; лес из толстых высоченных деревьев за ними, таящий в себе опасности, подобные лежащей сейчас грудой мертвой плоти на земле; продолжение леса за спиной, пореже настолько, что вдали виднелись силуэты каких-то медленно бредущих животных... И люди вокруг. Игнатов, подполковник Кудрявцев, тракторист Анатолий, здоровяк Дубов, десятки других...

– Есть у нас что впереди! Вот разложим все по полочкам, систематизируем и... будем жить. А может, и МЧС появится, – в последнее он уже и сам почти не верил.

А Игнатов, не найдя друга, продолжил, опять тыкая пальцем в зверя:

– Эта пуля точно в сердце; эта печень зацепила, а может еще что-нибудь важное – от этой раны не сразу бы сдох, помучился бы. Вот эти две... – Роман Петрович возложил ладонь на затылок махайрода, «украшенный» двумя огромными рваными ранами, в каждую из которых провалился бы его кулак, – даже комментировать не буду, как и эту.

Про рану в груди монстра, из которой совсем недавно неслабый на вид парень едва вытянул лом, даже профессору не надо было давать комментариев. Все одновременно с уважением уставились на офицера (да-да, и профессор тоже). Последний к тому же с нарастающим удивлением отметил, что его не мутит, не колотит от неопределенности и ужаса последних минут. Да и все вокруг что-то не истерят, не требуют срочно вернуть их домой, в уютную норку. Это было какое-то новое чувство; непонятное и опьяняющее.

– Ну а это что за зверюга, – подполковник зашагал к твари, убитой махайродом первой, – подскажите нам, профессор?

– Я не профессор, я доцент кафедры...

– Доцент! – вдруг захохотал тракторист, он вообще, видимо был по жизни веселым парнем, отчего ему часто попадало по первое число, – а вам не кажется, что ваше место у па... – тут он замолк так основательно, словно проглотил язык. И не удивительно – когда у твоего носа появляется кулак такого человека, как подполковник. И когда только успел? А через пару мгновений он опять рядом с Игнатовым:

– Извините молодого человека, э... Роман Петрович, молодой человек доцентов только в кино видал. А вот так, вживую, настоящего, да еще с кафедры биологии...

Игнатов важно кивал, не замечая легкой иронии.

– Так что там насчет зверушки... Стоп! – Кудрявцев поднес палец к губам доцента, уже готового начать новую лекцию, – Что ты сказал насчет параша?

Анатолий дернулся, удивительным образом уменьшаясь в размерах, но вопрос был адресован явно не ему. Потянув смешно носом воздух, подполковник упругим шагом, вроде неторопливо, но так, что профессор даже моргнуть не успел, скрылся за стеной.

И тут же оттуда донесся чей-то вскрик, перебитый звонким колокольным ударом, и совсем скоро подполковник вернулся, и не один. Он вел за ухо самого настоящего попа в черной рясе необъятных размеров, волочашейся по траве. Роста священник был небольшого, потому смешно подпрыгивал, поскольку ухо его в руке Кудрявцева двигалось по идеально прямой территории, а остальное туловище так ходить не привыкло.

Остановившись посреди быстро образовавшегося полукруга, составленного вперемежку мужчинами, женщинами и немногими детьми, он негромко, подозрительно ласково спросил:

– А чья это там кухня такая аккуратная?

– Ой, это наверно моя, – вперед шагнула девушка, или женщина – они все тут были примерно одного возраста, лет восемнадцати-двадцати и у профессора при взгляде на них в груди зарождалось что-то нежное, волнуемое, чего никогда прежде не было на лекциях в университете, хотя молодых и красивых там было куда больше.

– Как тебя зовут, красавица?

– Егорова Зинаида Сергеевна, – явно удивленная таким обращением, ответила женщина.

– Ага, – подполковник прикрыл глаза, словно вспоминая, – Одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года рождения, пенсионерка, бывшая водитель троллейбуса, город Свердловск.

– Точно, – обрадовалась Егорова так, словно опять оказалась в Свердловске, в своем троллейбусе.

– Ну так сходите к себе на кухню, полюбуйтесь, – Кудрявцев приглашающе махнул рукой, отчего в другой руке трепыхнулся поп вместе с колоколом размером со среднее ведро, издавшего долгий густой звук.

– Прямо малиновый, – восхитился подполковник, качая головой; колокол опять обрадовал его.

Да и всех остальных тоже, почему никто и не заметил, как появилась Зинаида – явно разъяренная, с пятнами ярко красного цвета на щеках без всякого признака косметики, со скалкой в руке. А какое еще оружие могла прихватить с кухни женщина, готовая, казалось, схватиться со всем миром – да даже с тем же махайродом. Но нет – она подступила к священнику, попытавшемуся вырваться из железных пальцев; колокол звякнул еще раз, теперь уже испуганно.

А Егорова, повернувшись теперь к зрителям непонятной пока интермедии и протрясая скалкой, заговорила, почти закричала:

– Да он... он.., – Зинаида явно не знала, как обозвать священника. Может и знала, да ряса смущала, – Он же на... рал у меня на кухне. Прямо возле холодильника.

– Да я же сбоку, чтобы дверца открывалась, – попытался оправдаться поп, но сделал только хуже.

Его слова настолько рассмешили подполковника, что тот пропустил момент, когда Егорова все-таки обрушила скалку на голову возмутителя спокойствия. В последний момент голова его дернулась вслед за ухом и под удар попало плечо. Поп явно не привык к такому. Глаза его закатились и он рухнул на траву, поскольку рука Кудрявцева отпустила наконец ухо и перехватила скалку, ловко вывернув ее из женской ладони.

– Жив, жив, – успокаивающе остановил он другой ладонью девушку в белом халате, бросившуюся было к поверженному, – вон уже подслушивает.

Подполковник выдернул из руки священника колокол, позвал Дубова и кивнул на крышу угловой комнаты:

– Видишь эту крышу?

Молодой гигант кивнул, а командир продолжил:

– Проверить на надежность, оборудовать наблюдательный пункт, вооружиться, – он кивнул на лом, который все еще сжимал в руках тракторист, – обеспечить наблюдение за окрестностями на триста шестьдесят градусов, в случае опасности сигнализировать колоколом.

Дубов осторожно принял сигнальный инструмент, который в его руках выглядел совсем маленьким и ответил:

– Разрешите обратиться, товарищ полковник.

– Обращайся.

– Я лучше со своим, с топориком – у меня в кабине их два, да еще «Хускварна», пила. Я ведь на «фишке» ехал вагон грузить, пока этот вон не прыгнул под колеса – он махнул рукой на Ершова и показал могучий кулак, отчего и профессору, и, наверное, подполковнику стало ясно, откуда взялся синяк на лице художника.

– Как еще не убил? – удивился Романов.

Дубов убежал, громоздко и неторопливо, а Кудрявцев повернулся в к Зинаиде Сергеевне:

– Егорова.

– Я! – четко, по-уставному ответила девушка – судя по году рождения, она успела усвоить школьный курс начальной военной подготовки.

– Вот тебе помощник, – подполковник рывком поднял на ноги попа, – через пять минут на кухне должно быть чисто как... в церкви.

– Есть, – весело выкрикнула Егорова и подгоняя помощника скалкой, снова вернувшейся к ней, скрылась за стеной.

– А проблему-то надо решать, верно? – переключил внимание Кудрявцев на профессора, который стоял ближе всех, – Что самое главное в военном лагере, окруженном врагами?

– А разве у нас война идет?

– А разве нет? – ответил вопросом на вопрос Кудрявцев, – Так что самое важное?

– Ну... Наверное, штаб.

Подполковник хмыкнул.

– Сразу видно – пороху не нюхал. Не служил в армии?

– Нет, товарищ подполковник, – профессор сам удивился, ответив так; но почему-то понравилось. Он даже на тыканье командира никак не отреагировал.

– Самое главное по степени убывания важности в расположении воинского подразделения, – Кудрявцев принялся загибать пальцы, – туалет, кухня, хороший старшина. Последний должен обеспечить первое и второе. Старшины пока у нас нет, поэтому что?

– Что?

– Этим вопросом тоже придется заняться командиру. Прямо сейчас. Кстати – можешь тоже на ты. Здесь у нас, как я погляжу, полное равновесие. По возрасту. Кроме детей, конечно.

Подполковник отступил на пару шагов, чтобы видеть всех.

– Мужчины, имеющих строительные специальности, просто имеющие навыки в строительном деле, выйти вперед.

Несколько секунд людской полукруг не шелохнулся. Затем парень, державший на пару с девушкой мальчика лет пяти-шести, подхватил ребенка на руки, передал его подруге и, взлохматив рукой на его голове рыжую прическу, подошел к подполковнику и профессору.

– Ильин Валерий Николаевич, бизнесмен, владелец строительной фирмы. Некрупной, – добавил он поспешно, увидев, как чуть скривился подполковник, – когда надо было я сам и с мастерком, и со сваркой, и с тележкой.

– Замечательно, – обрадовался подполковник, зам по строительству у нас тоже есть.

Кто-то из женщин в толпе засмеялся: «А говорил миллионер, Москва, лимузин...»

Впрочем, смех тут же прервался, даже не дождавшись, пока на него отреагирует Кудрявцев. Стоявшая с ребенком на руках женщина ткнула острым локотком в бок соседке и та заткнулась.

А командир снова зашарил взглядом по толпе и поманил к себе еще двоих – мужчину и женщину, которых объединяло то обстоятельство, что к остальным они присоединились явно после принятия ванной. Но если на женщине с мокрыми волосами был длинный махровый халат розового цвета и домашние пушистые тапки, то коренастый парень щеголял лишь полотенцем вокруг бедер. Полотенцем не банным, коротким – такое сам профессор в ванной бросал под ноги.

Наверное поэтому парень вышел вперед не очень охотно. Подполковник критично оглядел его и протянул:

– Мда... Не дойдешь, – и тут же ткнул пальцем в чемодан, который, как заметил профессор, парень, державший его, не выпускал ни на миг.

– Что там – золото, бриллианты, наркотики?

Парень отчаянно замотал головой.

– Тогда открывай, – приказ был дан таким тоном, что никто из присутствующих не осмелился бы его не выполнить.

Вот и парень с чемоданом, глубоко вздохнув, открыл его прямо на весу – так что из него на траву посыпалась одежда, скомканная, явно собранная в спешке. Рубашки, штаны, носки, даже зимняя шапка – все они образовали такую груду, что непонятно было, как они раньше помещались в чемодане.

Из всей этой груды подполковник одним движением вытянул спортивную пару. Парень в полотенце был заметно крупнее владельца вещей, но подобный трикотаж обычно хорошо растягивается, и он, немного помявшись, принял одежду из рук командира.

И опять проявил себя веселый нрав тракториста:

– Так вот как она ваше имущество поделила?..

Тут засмеялись уже многие, пока Кудрявцев не погрозил Анатолию пальцем:

– Никитин!

– Я!

– Два наряда вне очереди!

– Есть!

Тем временем парень с влажными волосами и полотенцем на плече появился из-за развалин. Трико серого цвета обтягивало его спортивную фигуру. Подполковник махнул рукой: «Пошли!»

Пошли вшестером – сам командир, Ильин (бизнесмен и строитель), девушка в голубом халате, оказавшаяся Надеждой Николаевной Исаковой, работавшей раньше бухгалтером, а в последние два с небольшим года прозябавшей на самую минимальную пенсию в городе Петрозаводске и незнакомец в сером костюме и босиком. Этот представился Малышевым Игорем Владимировичем, одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения.

Пятым, с молчаливого согласия подполковника, шагал профессор, пытавшийся в окружающих его событиях выстроить какую-то систему. Система никак не выстраивалась и потому Алексей Александрович заметно нервничал.

– Надо же, – удивлялся он самому себе – ни страшная гибель молодой незнакомки, ни доисторические животные, ни молодость и здоровье, фантастическим образом обретенные Игнатовым и им самим, не выбивали его из равновесия так, как невозможность объяснить происходящее вокруг, – ведь есть же, есть причины тому, что именно мы оказались здесь...

Малышев тем временем экспрессивно рассказывал, как он – геолог по профессии и по призванию – сегодняшним утром только приехал из экспедиции, продлившейся больше четырех месяцев, первым делом наполнил ванну горячей водой и, бросив грязное белье в корзину у двери совмещенного санузла своей однокомнатной квартиры в Петрозаводске («Тоже Петрозаводск», – не забыл отметить профессор), не успел получить несравнимого ни с чем чувства чистоты и легкости тела и души, как ни двери, ни корзины не оказалось, а... Дальше Романов мог продолжить и сам, тем более что геолог замолчал – пришли. Тут и идти было всего ничего – до ближайшего угла всей этой мешанины из каких-то обрубков зданий, по большей части состоящих из железобетонных помещений не выше трех метров; немаленьких частей машин с неведомыми механизмами на них; труб – тех самых, метрового диаметра, и совсем рядом тонких, квадратных, россыпью заполнивших пустое пространство за грузовиком оранжевого цвета, вернее за его кузовом и каким-то грузоподъемным механизмом. Вся эта конструкция нелепо завалилась назад, нависая над трубами, которые строитель Ильин обозвал: «труба профильная, сорок на сорок, три миллиметра, длиной... метров пять...»

И тут профессора, что называется, торкнуло – вот он, первый кирпичик в систему. Похоже каждый участок был равным другим – примерно пять метров на пять, в том числе

и тот, который приютил на себе то, что осталось от его квартиры. И ни один из них – по крайней мере те, что видел Романов – не наполнил на соседний.

Он даже попытался измерить шагами тот участок, к которому они пришли и... нарвался на ироничный взгляд Кудрявцева, который явно понимал, чем это тут пытается заниматься профессор. Тот только теперь осознал, что вся компания, включая ее шестого члена – огромную собаку, не отстающую от подполковника больше чем на шаг, следует за ним.

Профессор в это время измерял третью сторону, когда чей-то счастливый возглас «Ого!» вернул его к действительности.

Середину соседнего участка украшала стеклянная витрина-холодильник – одна из тех, что заполняют любой российский рынок; она была целой. Целой и полной – колбас, окороков, еще чего-то вкусного (по крайней мере на вид). Следующие за ней обычный фанерный прилавок и полки, были когда-то уставлены лоточками с орешками, сухофруктами и, кажется, приправами. Кажется, потому что от этого прилавка и от этих полок осталось не больше метра, который естественным образом завалился набок, на соседний участок. Точнее на глухую стену какого-то кирпичного здания.

Алексей Александрович чуть было не бросился вслед за другими, чтобы поднять ладонями с бетонного пола продукты, такие драгоценные здесь. Этот порыв был не профессорским; за Ильиным и Исаковой кинулся спасать добро новый человек. И этот человек осознал, что больше он, возможно, никогда в жизни не попробует ни чернослива с урюком, ни фисташек и орешков кешью, ни плова, сдобренного зирой.

– Стоп! – отрезвляюще прозвучала команда Кудрявцева, – этим займутся другие. А наша задача – вот это. Смотри, Алексей Александрович...

Подполковник пригласил профессора в помещение, которое, как понял последний, когда-то было ванной комнатой геолога. Ванная до сих пор была почти полной водой; понять, насколько грязной она была после четырех месяцев полевых работ мешала густая шапка пены – Малышев плеснул моющее средство от души. Романов конечно предполагал, что геологи как-то там приспособляются по части гигиены, но все ж таки было видно, что именно «как-то».

Игорь Малышев сунулся было рукой к ванной, чтобы спустить грязную воду, но тут же был остановлен стальной рукой подполковника: «Не смей!»

Он приглашающе махнул рукой остальным и совсем скоро все теснились в соседнем помещении, оказавшемся вполне целой ванной комнатой бывшего бухгалтера Надежды Николаевны. Ванна тоже была наполнена больше чем на половину водой подозрительного розового оттенка, а рядом с ней на кафельном полу лежала сложенная опасная бритва. Профессор не успел глазом моргнуть, как последняя исчезла где-то в воинском одеянии Кудрявцева.

– Это мы реквизируем, – пробормотал он и повернулся к Надежде, – я так понимаю, что ты сидела здесь, – его палец остановился над розовой гладью, прямо посреди ванной.

– Да, – кивнула Исакова.

– Берем сюда два с половиной метра, – Кудрявцев ткнул пальцем в стену, смежную с соседней ванной.

Романов очень зримо представил идеально ровный срез бетонных стен соседней комнаты.

– Туда, – палец повернулся в противоположную сторону, – хватило как раз, чтобы комната осталась целой, – там, – он показал на потолок, до которого едва не доставал рукой, – понятно. А там?!

Романов тупо уставился на его руку, указывающую теперь вниз, на кафельную плитку серого цвета. Но первым отреагировал Ильин. Опыт строителя наверное подсказал:

– А там тоже чья-то ванная. Была. Или то, что от нее осталось...

– Точно! – кивнул Кудрявцев, – метра два стен и песчаный пол.

– А откуда вы знаете, что там песок? – удивился Ильин.

– Знаю, – загадочно улыбнулся подполковник и... нажал на кнопку слива унитаза. Вода с шумом пролилась этажом ниже.

– Это будет женский туалет, а там...

– Мужской, – опередил его профессор, – так ведь вонять будет.

– Ну, пованивать, конечно будет. Так ведь в деревнях в каждом дворе такие скворечники стоят – и ничего, люди живут. А тут такие условия... Тебя бы профессор на..., – подполковник вспомнил что-то настолько неприятное, что скорчил жуткую физиономию. Такую, что Романов поспешно отодвинулся от него, но все-таки спросил:

– А вода? – только теперь он понял, зачем Малышеву запретили сливать свою ванную.

– Вода – это задача других бойцов. Этого на первое время хватит, – подполковник повернулся к Ильину, – ты свою задачу понял?

– Понял, командир: вентиляцию загерметизировать; вытяжные трубы с нижнего этажа поднять насколько возможно высоко; мужской туалет оборудовать стенкой в виде ширмы или... что получится.

– Молодец, – похвалил Кудрявцев, – не зря свой хлеб кушаешь, – и он хитро подмигнул строителю, кивая головой в сторону прилавка с мясными деликатесами.

– А где я трубы возьму, цемент, герметик и все остальное...

– Ну..., – разочарованно протянул подполковник, выходя из ванной, вернее женского туалета, – а говоришь бизнесмен, – что, забыл, как в советское время из подручных средств, – и он сделал широкий взмах рукой в сторону развалин, – а тут этого богатства... Инструмент и стройматериалы своей властью разрешаю реквизировать.

– Понятно.

– Ну раз понятно, оставляю в помощь Игоря. Остальные за мной, – уже на ходу добавил он, – и поспешите, люди ждать не будут.

Назад возвращались вчетвером, включая собаку. Возвращались быстро и вовремя – практически над громадной тушей неизвестного пока животного разворачивалась битва «гигантов»: прижав к груди черный ноутбук, от доцента Игнатова отбивался левой рукой худощавый паренек, который в силу subtilности казался много моложе остальных мужчин.

– Прекратить! – громыхнуло над ухом профессора так, что он невольно присел, а песок рядом угрожающе заворчал.

Прекратили, в смысле замерли все, кроме доцента, к которому собственно эта команда и была обращена. Тот в сильнейшем возбуждении, даже подпрыгивая, вцепился в рукав командира, тыча другой рукой в сторону паренька; скорее в сторону его ноутбука.

– Это что? – каким-то непонятным для профессора образом черная электронная игрушка оказалась у подполковника, который и выставил ее на общее обозрение.

Теперь и незнакомый пока парень вцепился в тот же рукав, который раньше оккупировал Игнатов. Недолго. Кудрявцев сделал опять что-то непонятное – и вот уже оба недавних соперника стояли перед ним, явно опасаясь снова протягивать руки.

– Представиться! – прозвучала команда и парень пробормотал:

– Ежиков я, Сергей Петрович, учитель географии, из Воронежа.

– Из за чего потасовка, Петровичи? – чуть улыбнулся подполковник.

– Это мой ноутбук, мой, – тоном обиженного школьника вскрикнул учитель.

– Да там у него, офицер, там у него..., – перебивая соперника сунулся вперед доцент.

Сунулся и замер, едва только Кудрявцев поднял руку.

А тот махнул ею в сторону Ежикова:

– Рассказывай, Сергей Петрович.

– Понимаете, – чуть смущенно начал тот, – это я днем в школе учитель, а по вечерам...

Толпа сунулась вперед в ожидании какой-то ужасной тайны и учитель, наконец решился:

– Я вечером я пишу книжки...

- Молодец, и много платят?
- Не знаю, – стушевался Ежиков, – я пока не издавался...
- Ну и...
- А чтобы сейчас книгу интересную написать, так много надо знать: и ТТХ оружия – и нашего, и вражеского, и про зверей всяких диких и...
- Подожди, а ты разве не про любовь пишешь? – с какой радости подполковник сделал такой вывод, профессор не понял, но отметил, что женская часть окружения явно потеряла интерес к писателю.
- Так вот, – продолжил Ежиков, – тыкая пальчиком в такой недостижимый гаджет, – там куча информации, там Википедия!
- Так интернета ведь нет, – искренне удивился профессор.
- Сергей Петрович посмотрел на него снисходительно:
- А она у меня в памяти записана.
- Да ну, – махнул рукой Романов, – там такой объем.
- Ну, не вся, конечно, – признал Ежиков, – только русская версия. А жесткий диск у меня на два терабайта – там еще ого-го сколько места осталось!
- Тогда да, – признал поражение профессор, – такое возможно.
- Вот я и говорю, – торопливо влез в разговор доцент, пнув ногой лежащую рядом громадину, – сейчас откроем и узнаем кто это.
- Кудрявцев перевел взгляд на писателя.
- Так там зарядки – процентов десять, а где здесь зарядить? – он обвел взглядом развалины.
- Значит так, – распорядился командир, – проблему с зарядкой решим; сейчас включать не будем. Это ведь свинья? – спросил он у доцента.
- Ну..., – протянул тот, – какой-то предок свиньи, или тупиковая ветвь. Несомненно есть различия в строении внутренних органах...
- Вот сейчас и узнаешь! Есть ее можно?
- Ну..., – опять протянул Игнатов, – можно наверное, только варить, часа четыре, не меньше... Мало ли что.
- Доцент Игнатов!
- Сергей Петрович невольно вытянулся в струнку.
- Поручаю вам важную задачу – обеспечить питанием товарищей, – подполковник показал на толпу и, не обращая внимания на слабую попытку возражения добавил, – а помогут вам... Никитин!
- Я!
- Отрабатываешь наряд; есть еще желающие..., умеющие помочь?
- А пожалуй, я возьмусь, – вперед вышла женщина, совсем недавно получившая тычок локтем от соседки. Что интересно, в руке она держала длинный нож, словно готова была к такому повороту событий, – Ильина я, Ирина Павловна, в сельпе (она так и сказала – в сельпе) работаю, продавщицей. Я этих поросят перевидала больше, чем мужиков.
- Последнее прозвучало настолько двусмысленно, что профессор, сам того не желая, спросил:
- А Валерий Николаевич, случаем, не мужем вам приходится?
- Ага, бывший. А нынешняя – вон, с дитем сюда приперлась.
- Подполковник тем временем опять заговорил с Ежиковым:
- Это ты молодец, Сергей Петрович! От лица командования объявляю тебе благодарность. Я бы конечно расцеловал тебя, но, – Румянцев весело захохотал, глядя, как Ежиков испуганно отскочил.

– Хотя... Екатерина Павловна, подойди-ка к нам, – милостивая девушка в какой-то нелепой старушечьей ночнушке шагнула к ним, – ты у нас девушка опытная...

– Мальчишка, – погрозила командиру девушка, и тот на удивление совсем не стал возражать такому обращению, – хотя, конечно. Вот я помню, как раз Иосиф Виссарионович помер...

Она вдруг ловко подскочила к Ежикову и, заключив его в объятия, впиалась в его губы своими.

А профессор, косясь на замершего в крепких девичьих руках писателя, поспешил за Кудрявцевым. Последний, явно пользуясь моментом, уносил куда-то ноутбук, про который Сергей Петрович на какое-то время забыл. Он вообще наверное забыл сейчас обо всем, не замечая даже громких аплодисментов, которыми зрители наградили Екатерину Павловну.

– Это что, такой отвлекательный маневр был?

– Ни в коем разе, – с чересчур честным выражением лица ответил Кудрявцев, – просто награда нашла своего героя. Не завидно, профессор? А хороша старушка, правда? Моя соседка, между прочим, тридцать пятого года рождения, два года с постели не вставала.

– Да, – согласился Романов, – старушка хороша, а куда мы идем?

– Прятать сей драгоценный предмет, – подполковник погладил гладкую крышку ноутбука, – и кое-что еще, и кое-что другое.

Тут он ловко обогнул огромную кровать на котором по прежнему лежала, наблюдая за происходящим, спасенная ими из-под завала девушка, и широким гостеприимным жестом пригласил профессора:

– Прошу вас, Алексей Александрович, в мои пять на пять на пять. Точнее в наши с Екатериной Павловной. Ее кровать там, – он кивнул на дальнюю целую стену, – и зашел в комнату через широкий проем.

Романов последовал за ним, опасливо покосившись на пса-громadinу, который угрюмо наблюдал за ним, словно говоря: «Только попробуй тронуть что-нибудь из хозяйских вещей!». И пес разинул широко пасть, демонстрируя великолепный набор клыков – конечно не сравнимых с теми, у махайрода, но тоже себе ничего. В смысле ничего хорошего, если такие вдруг вонзятся в организм в любом его месте.

– А как зовут твою собаку, – спросил он, подходя к подполковнику.

– Какую? Этого малыша? – «малыш» как раз с клацаньем захлопнул пасть, – так я его сегодня в первый раз увидел.

– Да вы что, – от изумления перешел снова на вы профессор, – а ходит за вами как привязанный.

Но полковник не слушал его – он словно провал на вкус какое-то слово:

– А что, Малыш... Неплохо, – он вдруг подскочил ко псу, скромно сидевшему перед входом в комнату. Кудрявцев тоже присел – так, что оказался взглядом прямо против немигающих глаз волкодава. Затем захватил бесстрашно руками густую шерсть на щеках собаки и громко прошептал, – хочешь быть Малышом. Будешь Малышом. Малыш, Малыш, – его правая рука теперь гладила широкий лоб, трепала обрезанное ухо, и Романов совсем не удивился, когда пес, не закрывая глаз, вдруг кивнул.

– Вот и хорошо, – обрадовался подполковник, и отпустив пса, опять направился в комнату.

Профессор огляделся: без вынесенных раньше стола и кресла комната выглядела совсем пустой. Только старенький двухстворчатый шкаф сиротливо стоял в левом углу. Его Кудрявцев и открыл, представив взгляду Романова нечто удивительное: внутри первого скромного собрата скрывался второй, сейфовый, кивнув на который с гордостью, Александр Николаевич сказал

– Унесут только вместе со стеной, – затем он пошарил рукой в пространстве между стенками – металлической и деревянной (или дээспэшной – за шпоном светлого дерева было непонятно) и две створки железного шкафа чуть раздались.

Подполковник открыл правую и ноутбук занял свое место на верхней полке. Нижние были заняты какими-то документами в пластиковых папках, воинским снаряжением, от которого, как показалось Романову, резко запахло кожей и чем-то еще железным, опасным.

Кудрявцев вынул что-то опутанное ремешками, попытался примерить его к своему наряду и досадливо поморщился. Тут же была распахнута вторая дверца, сдернута висевшая впереди камуфляжная, явно ношенная, но чистая и выглаженная – и вот уже подполковник переодевался, шурша одеждой, за спиной профессора.

Но тот не слышал ничего, потрясенно разглядывая мундир, висевший за камуфляжной формой. Это был парадный мундир подполковника, весь в орденах и медалях. На правой стороне ткань еще проглядывала сквозь награды; левая была увешана сплошь, так что мундир явственно перевешивало на эту сторону. А на самом верху этого иконостаса скромно сверкнула Звезда Героя – еще та, без триколора на верхней планке.

Романов чуть дотронулся до нее и прошептал: «Настоящая...»

– Вообще-то за такие вопросы серьезные пацаны морду бьют, но на первый раз прощаю, – парадный мундир тут же был завешен, другим, только что снятым, еще теплым. А Кудрявцев принялся шустро распределять на себе невероятное количество колющего и режущего оружия. Последним свое место в кобуре заняли пистолет и три...

– Эти.., – профессор вдруг победно вспомнил, – запасные обоймы.

Только эта кобура да страшный нож с темным матовым лезвием в ножнах были теперь видны, все остальное как-то уместилось под камуфляжем, причем разместилось так, что когда подполковник попрыгал мягко, но достаточно высоко, Алексей Александрович не услышал ничего – даже стука подошв берцев о линолеум.

– Вот как-то так, – усмехнулся Александр, а профессор, наверное в первый раз обратился к нему по Уставу:

– Товарищ подполковник. Ну ладно я, Игнатов, остальные. А вас то за что сюда?

Кудрявцев неопределенно пожал плечами и постучал по стальной дверце:

– Может, за это?

Когда командир в обновленном виде и профессор вернулись к точке сбора, толпа явно собралась расходиться. Не всем, видно, понравилось смотреть, как доцент Игнатов азартно кромсает свинью несмотря на все попытки Ирины Ильиной успокоить его. Впрочем дела тут благодаря успешным действиям тракториста Никитина продвигались, и Кудрявцев, улыбнувшись ему, спросил вдруг у профессора:

– Так что ты там говорил про диван и кресла?

Романов не помнил, что вообще говорил с кем-то на эту тему, но кивнул, подтверждая – да, места у нас хватает.

– Вот и хорошо, веди, – и уже громче, – товарищи! Меняем место дислокации, – и пошел вместе с профессором вперед, уверенный, что люди последуют за ним.

Действительно, бывшая зала Алексея Александровича вместе с участком пустыря, на котором все так же сиротливо громоздились трубы, вполне способна была разместить три десятка человек, к которым уже присоединились Егорова с попом, очевидно успевшими привести кухню в порядок. Причем последний поглядывал на Зинаиду Сергеевну с изрядной опаской и... уважением.

Пока люди тянулись к дивану, на котором место нашлось прежде всего детям и их родителям, а может и бабушкам – одну из двух молодых женщин, оккупировавших его мебель, профессор пока не знал.

Кудрявцев тем временем скрылся за дверью сруба; через какое-то время показался в окошке чердачного помещения. Минуты две он обозревал окрестности, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца, поднявшегося уже достаточно высоко на небосклоне. Затем он удовлетворенно чему-то кивнул, захлопнул окно; совсем скоро опять распахнул дверь и вышел, уже с двумя деревянными лавками, которые он и водрузил рядом с диваном.

Остальные парни тем временем тоже не стояли без дела. Под командой живчика в брезентовой робе, которую он очень скоро скинул, оставшись в таких же брезентовых штанах, клетчатой байковой рубашке и резиновых высоких сапогах, четверо из них споро раскатали трубы, крайняя из которых, короткая, откатившись, уперлась в очередные, идеально обрезанные по вертикали железобетонные стены. Теперь на них, пусть не совсем удобно, разместилось большинство мужчин и часть девушек. Остальные столпились ближе к креслу, не решаясь, видимо, занять его. Скорее всего они ожидали, что в него опустится командир, но тот кивнул головой Котовой – устраивайся поудобней. Последняя, как оказалось, успела подобрать на месте разгрома, учиненного махайродом и листки, заполненные каллиграфическим почерком, и оказавшуюся каким-то чудом невредимой пачку писчей бумаги, и даже несколько авто-ручек, готовых к работе.

Подполковник повернулся к основной аудитории, встав прямо перед передней трубой. Романова он поманил за собой.

– Это профессор Романов, – громко начал он, – Алексей Александрович любезно согласился собрать и систематизировать всю информацию, которая поможет нам понять как и почему мы попали сюда, Поэтому прошу всех предельно честно и внимательно отвечать на его вопросы.

Романов, не теряя времени, вытянул из папки примерно третью часть листов, зацепил с собственного столика пару ручек, едва не перевернув бокал с так и недопитым Игнатовым коньяком – он был готов к работе. А Кудрявцев продолжал:

– Через десять-пятнадцать минут будут оборудованы женский и мужской туалеты. Надежда Николаевна, – палец правой руки поманил и Исакова, чья ванная только что была реквизирована для общественных нужд, – покажет и объяснит, как пользоваться объектом. Ее слово там – закон. Помощник тебе... Ершов!

– Я! – видать близкое знакомство с кулаком Дубова, следы которого все дальше расплзались от подбитого глаза, здорово дисциплинировало.

– Ты ведь у нас художник?

– Так точно!

– Замечательно, – обрадовался Кудрявцев, – берешь два листа, фломастеры (маленькая коробочка последних заслугами Котовой тоже оказалась на столике) и художественно оформляешь два плаката: «М» и «Ж». Затем поступаешь в распоряжение Надежды Николаевны. Понятно?

– Понятно.

– Выполнять! – он опять повернулся к Исаковой, – а вы голубушка, проследите, чтобы вода не кончалась. Пусть парень побегает, потаскает воду. Там, – он взмахнул направо и профессор понял, что так внимательно высматривал подполковник в чердачное окошко, – метрах в тридцати, в низинке ручей. Только одного без охраны не пускать. Ну, насчет охраны мы что-нибудь придумаем. Так что сейчас ищите пару ведер и...

– А зачем ведра? – к ним подошел тот самый живчик в брезентовой робе, – у меня в машине... в половинке, что от пожарки осталось, и топоры, и ломы, и рукавов метров триста. А главное – ранцевые огнетушители. Удобные – двадцать литров заливаешь и идешь. И руки свободные. Только спина мокрая...

– Ну, спина это не страшно, – подполковник поглядел вверх, где все сильнее припекало солнце, – пожарник?

– Так точно, – Володин Игорь Сергеевич, – старший пожарного расчета, как раз выехали на тушение пожара...

– Почему не по форме одет?

– Это? – Володин потрепал за рукав собственную рубашу, – так ведь мы не эмчезники, у нас своя пожарная часть, от районной администрации. Как в десятом году леса горели, так шустренько и построили.

– Шустренько, говоришь? Хорошо, сейчас шустренько берешь его, – Кудрявцев показал на художника, который, сидя на диване рядом с детьми, вырисовывал что-то на листке бумаги, высунув от усердия кончик языка, – вооружается ранцами, топорами и – вперед и с песней. Шучу – песен не надо, осторожнее там, понятно?

– Понятно, но...

– Никаких но! Пост ответственный, но не постоянный, – и уже громче для всех, – Дежурство по санузлу будет определено позднее.

– Раскомандовался, блин... Люди вон босиком ходят, а он наряды только успевает менять, – эти слова парень, тот самый, с чемоданом, процедил сквозь зубы зло, но так тихо, что никто, кроме профессора, стоявшего рядом скорее всего их не расслышал.

Но нет – вон и командир чуть заметно дернул щекой, но никак реагировать не стал. Он опять обратился к толпе – заметно поредевшей, растекавшейся по местам тонкими ручейками приставленных к работе людей:

– Нужен человек с опытом руководящей работы. Желательно знакомый со складскими работами, особенно с хранением продуктов.

– Может я подойду, – парню в фетровой шляпе и с удочкой в руках подполковник кивнул как знакомому, видно сталкивались уже, – я Рубцов Николай Петрович, город Свердловск, директор управляющей компании... бывший.

– Проворовался?

– Ну что вы, – непритворно оскорбился Рубцов, – разорился, точнее разорили.

– Мда..., – Кудрявцев явно засомневался, но никто больше не вызвался и он кивнул, – хорошо. Николай Петрович, назначаешься комендантом лагеря. Временным комендантом. С испытательным сроком... Орлова!

– Ой, кажется это меня, – с трубы в первом ряду соскочила миниатюрная девушка в зеленом, явно каком-то служебном халатике.

– Раиса..., – до отчества дело не дошло, – это ты торговала колбасой?

– Я.

– Ты, Николай Петрович и... – ты, – указал на парня с чемоданом, – ну и Егорова. За мной.

Профессор и Малыш последовали за командиром по умолчанию. Парень, что-то бормоча под нос, отказаться тоже не посмел. Совсем скоро компания была у прилавка снедью; первым, как всегда командир, успевший ухватить за ухо (другое, пока еще не красное) все того же шкодника-попа. Последний не успел спрятать улику – батон копченой колбасы, кусок которой отчаянно пытался проглотить.

Кусок, очевидно, был непомерной величины и священник, размазывая по лицу выступившие слезы и стремительно наливаясь в лице кровью лишь дернулся, когда крепкая ладонь с размаха шлепнула его по спине; кусок выскочил прямо под ноги Раисы. Та вдруг заразительно засмеялась.

– Ты чего? – удивленно повернулся к ней Кудрявцев, выпуская уже покрасневшее ухо.

– Ничего, – махнула та рукой, – представила морду козла этого, Багира – хозяина товара. Я ведь за процент от реализации работала. Раньше еще ничего, а как кризис начался... вон – кто будет окорок по восемьсот рублей за кило покупать? А этот козел по рынку только ходит,

руки за спину, важный такой. Да еще к девкам пристаёт. Я-то уже давно на рынке, за тридцать мне уже, я и по морде отвесить могу, а девки молодые, а, – опять махнула она.

– Бить не буду, – успокоил попа Кудрявцев, – помогай, – к остальным он повернулся с командой, – Все продукты длительного хранения к ней, на кухню. Егорова, за сохранность отвечаешь головой. Остальное – к месту сбора. Рубцов!

– Слушаю.

– Организовать там столы, собрать стулья, лавки. Обед должен пройти в теплой, дружелюбной обстановке. Куда? – тормознул он коменданта, – пусть они носят, а у нас тут еще дело есть.

Кудрявцев указал пальцем на кирпичную стену, рядом с которой рассыпались орешки и пряности.

– Я так понимаю – это та самая «сельпа».

Здание с низкой крышей без передней стены действительно оказалось сельским магазином. Магазин привел командира в полный восторг. Не так основной его торговый зал, с двумя прилавками – одним с чем-то мясным, рыбным и сырным; вторым заполненным чем-то кондитерским. Гораздо больше порадовал его склад – точнее его узкая полоса за стеной торгового зала, что вписалась в пресловутые пять метров.

Вдоль стены выстроился в ряд как видно давно неистребованный товар – профессору показалось, даже местами затканый паутиной: 1). Три алюминиевые фляги, открыв одну из которых подполковник, принявхавшись к густой массе темно-коричневого цвета, пробормотал: «Масло подсолнечное, нерафинированное»; 2). Несколько деревянных ящичков со слипшейся массой светло-бурого цвета (хозяйственное мыло – жуткий дефицит) и, наконец, в дальнем углу 3). Сложенные штабелем мешки белого (точнее давно уже грязно-серого) цвета, на верхних из которых еще можно было прочесть: «Соль каменная».

– Действительно каменная, – постучал по одному из них Кудрявцев и счастливо улыбнулся.

А профессор только сейчас понял, какую ношу добровольно возложил на себя командир. Ведь сам он за переживаниями и потугами объяснить происходящее пока ни разу не подумал, что будут делать эти люди и он сам завтра, послезавтра; через неделю, месяц, год...

– Так, – озадачил Рубцова командир, – это тоже на склад; одну – нет, две фляги освободить. Не вылить – расфасовать в посуду помельче. Помыть и передать Ильиной для варки мяса; и чтобы ни один килограмм не пропал.

– Так ведь тут этих зверей – стадами бродят, – Николай Петрович обвел широким жестом близкую кромку леса.

– Чем охотиться будешь? Этим? – под нос Рубцова ткнулся ствол пистолета, – тридцать шесть..., нет тридцать пять патронов. Может ты знаешь, как их изготовить? Нет? Или топорами махать. Первым пойдешь.

Он махнул разочарованно рукой и пошел опять к прилавку с копченостями, рядом с которыми – метрах в трех – сидели в ожидании чего-то (своей доли, чего же еще?) овчарки. Кудрявцев быстро подошел к ним и успел схватить поводки. На попытавшуюся огрызнуться одну из четвероногих подруг грозно рыкнул алабай и знакомство, наконец состоялось.

– Ты будешь Белкой, – показал подполковник на левую, отличавшуюся более светлым окрасом суку, – а ты...

– Стрелкой, – подсказал профессор и был прав.

Кудрявцев кивнул и, вдруг насторожившись, повернулся к лесу. Тут же грозно зарычал Малыш, и подполковник сунул уже распутанные поводки в руку Романову.

Из леса вдруг выскочила девушка в грязном, местами порванном черном брючном костюме, с измазанным глиной лицом и широко распахнутым от недостатка воздуха ртом. Она не добежала до них совсем немного из двадцати с небольшим метров, отделявших лагерь

от леса, и рухнула бы на землю с выдавленным через силу возгласом «Помогите...», если бы Румянцев не успел подхватить ее.

В это мгновение из чащи вывалился еще один субъект – в камуфляже, черной бандане, с молодым небритым лицом восточного типа, с автоматом в руках, который он вскинул, готовый очевидно расстрелять всех перед собой, и тут же отпустил его, вскидывая ладони к горлу. Оцепеневший от ужаса профессор с удивительной четкостью увидел, как сквозь его пальцы потекла кровь, а Кудрявцев, оказавшийся рядом с падающим на траву телом, подхватил уже лежавший там автомат и исчез в лесу.

Глава 3. Сауд Аль-Бакри. День первый. И последний

Аль-Бакри грязно выругался:

– Этот сын ишака и собаки сегодня точно доигрался. И никакой дядя не поможет!

Он спешил за не на шутку перепуганным воином, который, резко тормознув перед бункером, посторонился, пропуская командира. Сам воин аллаха явно не собирался нырять в подземелье оружейного склада. Боялся, наверное, как и четверо других, оказавшихся на свою беду рядом.

Недобро усмехнувшись, Сауд поманил их всех за собой: «Воин аллаха ничего не должен бояться!»

А бояться действительно было чего – прямо посреди бункера (правильнее было бы сказать в канаве, перекрытой тонким слоем досок, присыпанных песком) в длинном проходе стоял Хафиз (сын ишака и собаки!) и покачиваясь, словно обкурившийся анаши, держал в вытянутой перед собой руке гранату. С выдернутой чекой, между прочим.

– А может, действительно обкурился, – отстраненно подумал Аль-Бакри, останавливаясь в двух шагах от него.

На плечи и голову, покрытую кепи, мелкой стружкой посыпался песок – «бункер» действительно был хлипким сооружением, воздвигнутым буквально на несколько дней на месте старого пересохшего арыка. А что было делать, когда отряду Аль-Бакри совсем неожиданно подвезли совершенно невероятное количество оружия, отбитого, скорее всего у асадовцев, поскольку все оно было советского производства, ничем не хуже того, каким был вооружено воинство Сауда.

Он и сам было приглядел себе пару пулеметов и столько же снайперских винтовок – больше для его невеликого отряда было не нужно, но... Но приказ был жестким – если хоть один патрон из привезенного пропадет, аль-Бакри воплотит мечту любого правоверного мусульманина – отправится на встречу с всевышним, причем намного раньше, чем запланировал. Вопрос, зачем начальству понадобилось такая прорва оружия, которым воевал противник, даже не стоял – конечно для провокации, на которые любое начальство великие мастера.

Оружие спрятали, укрыв его от песка невероятным количеством пленки. Спрятали от нескромных взглядов пилотов сирийской армии и недавно появившихся в небе летчиков-американцев. Никакого бомбового удара склад конечно же не выдержал бы, но свою задачу пока успешно выполнял. Самолеты, пролетавшие иногда высоко в небе, на воинов аллаха, укрывшихся у подножия заросшего жесткой высохшей травой холма, где и был оборудован склад, никакого внимания не обращали.

Один день, всего один день и отряд вернется к своему обычному делу – мелким стычкам с противником, куда более частые налеты на мирные поселения, с грабежом и «развлечениями», в которых самое активное участие как раз этот ишак и принимал.

Сауд знал, все его бойцы знали, что этот пускающий в двух шагах от него слюни «воин» ничего не может сделать с женщиной – в том виде, в каком предопределил это для настоящих мужчин аллах, все милостивейший и всемогущий. И Хафиз знал, что воины об этом шутили за его спиной (в глаза шутить не смели – тоже знали о дяде, приближенном к «самому»). Потому он развлекался с захваченными женщинами по особому – страшно и долго, так что даже выдавший многое Сауд не мог выдерживать такое.

Скорее всего кто-то, а скорее всего караульный – вон он стоит с виноватым лицом и рассеченной бровью последним в пятерке, столпившейся в проходе – точно, караульный, пошутил неудачно на эту тему. И сейчас у них, прежде всего у Аль-Бакри, оставалась одна надежда – на трусость Хафиза, о которой тоже все знали. Потому что в первых рядах атакующих его никогда не видели. Зато намаз он совершал усерднее всех, заодно примечая, кто пытается увиль-

нуть от деяний, угодных всевышнему. И хотя аллах дает послабления воинам, несущим его зеленое знамя на полях сражений, набожность в отряде с приходом в него «племянничка» резко выросла.

Сам Аль-Бакри в великую победу ислама во всем мире не верил; больше того – он и в аллаха не верил. Когда эта мысль пришла ему в голову впервые, он ужаснулся, готовый принять кару всевышнего; со временем свикся с этим, умело скрывая свои убеждения. А убеждение, точнее желание, было одно – стать своим в спокойном, отмеченном вековыми традициями уголке земного шара, где никто не говорит по-арабски, но и не отворачивается брезгливо и опасливо от человека другого цвета кожи и разреза глаз, и где многое в отношениях зависит от размеров твоего банковского вклада.

Такое место Сауд знал; банковский вклад тоже имел, но не такой внушительный, как хотелось бы. Хотя война и была весьма прибыльным делом, Аль-Бакри мог лишиться не только денег, но и головы, узнай кто о его планах. Поэтому командировка в его отряд Хафиза была для него крайне нежелательной. Тот уже, благодаря своим зверствам, засветился пару раз в репортажах (кажется, телеканала Аль-Джазира), если в следующий раз в объектив попадет он сам, с мечтой придется попрощаться. Или жить в райском уголке с оглядкой: когда за тобой придут. Война немцев с русскими семьдесят лет назад закончилась, а там до сих пор приходят. Потому что не все за собой почистили.

Поэтому Аль-Бакри сегодня, сейчас успокоит этого ублюдка, завтра сдаст по описи склад, и в первом же бою «погибнет» геройской смертью, так и не найденный среди ошметков тел на месте взрыва противотанковой мины.

Сауд кряхтя присел у стеллажа с оружием, подозвал к себе остальных воинов, подождал, когда они присядут тоже на корточки – трое напротив, а двое рядом, по левую руку, и вытянул из за спины, сквозь неплотный шов полиэтиленовой пленки автомат. Всем известный автомат Калашникова, готовый к стрельбе, со спаренными магазинами на тридцать патронов. Так Аль-Бакри и сам когда-то делал; давно, в Афганистане. Тогда он еще истово верил в аллаха и не имел мечты. Наверное потому что тогда ему было двадцать. Теперь он перешагнул за пятьдесят и сам подчас удивлялся – как смог выжить в круговерти войн, переворотов и просто бандитских разборок.

– Это оружие, – медленно заговорил он, даже не поднимая головы, – завтра возьмут в руки воины аллаха, чтобы перейти в наступление. Я знаю – завтра будет великая битва, где каждый автомат, каждый клинок будет на счету. Там все мы будем нужны. И ты, Хафиз...

– Нет, – истерично выкрикнул тот, и Сауд ощутил как вздрогнул всем телом сидящий рядом человек, – я никому не нужен!..

– Ошибаешься, – все так же спокойно перебил Хафиза Аль-Бакри, – ты нужен нам всем, ты еще увидишь, как поднимется зеленое знамя пророка везде – и в Европе, и в Америке. Это я – старый больной человек – никому не нужен.

Тут словно бесшумный взрыв пронесся по бункеру; Сауд даже решил поначалу, что граната все-таки взорвалась и он уже в раю, который оказывается есть – так светло стало вокруг, но... – глаза его видели совсем другое: граната медленно валилась, вращаясь, на сухой глиняный пол, а его руки уже тянулись к ней, подхватывая перед самым ударом. Не раздумывая он бросил гранату вверх и в сторону – туда, где только что нависал над головами хлипкий дощатый потолок.

Еще не прогремел взрыв, как кто-то из его подчиненных закричал визгливым, а потому не узнанным голосом: «Асадовцы», – и тут же автоматические винтовки М-16 загрохотали, заглушая взрыв, потому что тот был далеко – там, куда он смог забросить по высокой траектории гранату, а винтовки били по ушам рядом, в узком пространстве бывшего бункера. Бывшего, потому что крыши и дверей у него теперь не было, а в длину он сократился втрое, метров

до пяти. В стороне, противоположной битве мелькнула спина Хафиза – с автоматом. Последний, как оказалось, успел подхватить Калашникова, пока командир ловил гранату.

– Шустрый, – подумал с удивлением Аль-Бакри, и в этот момент стрельба закончилась разом, – а эти еще шустрой, по целому магазину выпустили.

Вытянув через тот же шов еще один автомат, тоже снаряженный двумя магазинами, он пополз наружу, благо ни одного звука впереди не было слышно. Пополз, потому что брось кто-нибудь гранату в это тесное пространство, заставленное оружием и боеприпасами, да даже если бы без них...

Бросать было некому. Да, здесь действительно неведомым образом оказались бойцы сирийской армии, более того – прямо напротив грозно целил пушку броневик из тех, что Асаду поставляла Россия. Он невольно поежился, глядя в темное жерло, которое из-за близкого расстояния казалось значительно крупнее своих тридцати миллиметров; однако управлять грозной машиной и его орудием было некому. Весь экипаж, и кто-то еще, тоже в камуфляже, общим числом шесть человек, были буквально изрешечены патронами калибра 5,56; седьмой висел, полувывалившись из переднего люка, напичканный пулями пожалуй гуще остальных.

Что-то было непонятно в этой БРДМ-3 (вспомнил он наконец модификацию броневой машины). Но прежде чем разбираться в этом, он крикнул за спину:

– Насер!

Воин приполз и остановился рядом, лишившийся где-то своей жиденькой бороды. Он выглядел значительно здоровей, чем обычно, губы не были испачканы грязным налетом жевательной табачной дряни, как обычно, но Сауду было не до внешнего вида подчиненных.

– Проверить, – послал он подчиненного, и тот, оглядываясь на него с вытаращенными в немом удивлении глазами, пополз вперед, не выпуская из рук разряженную винтовку. У ближайшего трупа он перевооружился, подхватив оружие противника и исчез за широким колесом бронемашин.

И тут раздался выстрел. Затем еще один выстрел, и еще, и еще... Аль-Бакри понял – это «развлекается» Хафиз. Он то ли не мог переключить регулятор автоматического огня, либо не хотел делать этого. Только выстрелы все не кончались, а вслед ними в развалинах, видневшихся за огромным, метров пяти в диаметре, шатром, непонятно как выросшем недалеко от бункера, раздавались крики. Иногда короткие, означавшие, что Хафиз попал в жизненно важный орган; иногда длинные и тоскливые – и тогда выстрелов было два-три, через равные промежутки времени. К ним присоединились вдруг предсмертные вопли баранов. И тут вернулся Насер.

– Все чисто..., господин, – он опасливо поглядывал на Сауда, которому больше всего не понравилось, как нервно дрожит палец воина на спусковом крючке автомата.

– Ты что, сын ослицы, не узнаешь меня?!

– Нет, господин, вроде голос командира Аль-Бакри, но нет, это не вы, командир.

Сауд в бешенстве принялся терзать по привычке левое ухо, которое – о, аллах! – было целым и непривычно большим. А ведь половину его он оставил еще там, в Афганистане, раненый в короткой стычке с неверными.

Этот жест словно успокоил Насера; он принялся объяснять что-то появившимся опасливо из бункера воинам, которые принялись удивленно разглядывать друг друга и командира. Впрочем последний в разборки вступать не стал, направившись короткими перебежками вокруг БРДМ. Точнее вокруг того, что осталось от боевой машины.

Броневик в задней части отсутствовал, словно кто-то отсек от него третью часть гигантским клинком; только что это должен был быть за клинок, перерубивший и часть двигателя, и третью пару колес вместе с дисками, и самое главное – броню БРДМ, совсем недавно с легкостью остановившую не меньше сотни пуль из М-16, ударившими в нее почти в упор со скоростью восемьсот метров в секунду?

Сауд не поленился, протиснулся в образовавшуюся в корме броневой машины щель рядом с остатками движка, чуть морща нос от резкого запаха солжара, Наверное пропитавшего всю землю вокруг – топливные баки тоже вскрыл какой-то гигантский консервный нож.

Внутри такой машины он не разу не был, потому оглядевшись, ничего трогать не стал, только вытолкал наружу тело асадовца, поддавшееся легкому толчку и вылез следом сам. Воины, стоящие кружком совсем рядом, дружно обернулись к нему, но за оружие, висящее на плечах у каждого, хвататься не стали.

– Значит, договорились, – обрадовано подумал Сауд, поворачиваясь к появившемуся из за шатра Хафизу, замечая крем глаза, что руки воинов потянулись к автоматам.

Он и сам перехватил поудобнее АКМ, глядя, как к ним с безумной улыбкой на губах приближается «племянничек». Тот, казалось, от избытка адреналина в крови стал выше ростом, моложе и стремительней. Редкая, всегда неопрятная бородка на щеках отсутствовала. Аль-Бакри понял – вот тот долгожданный момент, когда ничто не остановит его от сладкого чувства сминаемой его железными пальцами глотки, а затем и шейных позвонков наглого мальчишки. Потому что после того, что произошло вокруг, никакой дядя ему уже не страшен.

– Да и есть ли он теперь здесь, этот дядя, и все остальные, кроме нас, – подумал он, оглядывая мрачный лес, окружавший место событий, не выпуская впрочем из внимания Хафиза.

Однако ни сам он, ни другие воины, ни безумный мальчишка не успели сделать ничего – даже слова не сказать, когда совсем рядом словно взметнулся песчаный вихрь, тут же опавший, но оставивший перед остолбеневшими воинами группу новых персонажей.

Вперед выступил молодой парень в каком-то длинном белом стариковском одеянии; на руках он держал девочку лет четырех-пяти. К правой ноге парня прижимался лохматый пес, сразу же оскаливший острые зубы. По бокам их подпирали два верблюда, невозмутимо пережевывающие что-то; позади виднелись еще какие-то животные, скорее всего козы.

Первым опомнился Хафиз. С той же счастливой улыбкой на лице он шагнул вперед, поднимая АКМ. Пес с грозным рычаньем бросился на него и упал с коротким визгом; он попытался ползти вперед, защищая хозяев, но безумец уже не обращал на него никакого внимания. Ствол автомата переместился на людей – прямо на девочку, которую парень явно пытался то ли спрятать за своей широкой спиной, то ли отбросить в сторону, но... Палец опять нажал на курок и вместо громкого одиночного выстрела раздался только сухой щелчок – патроны кончились.

Хафиз недоуменно опустил голову вниз, к оружию, которое ни разу его сегодня не подвело, и потому не увидел, как парень напротив сделал два коротких шага вперед; его рука, вооруженная ножом с коротким кривым лезвием метнулась вперед, и еще раз, и еще, и еще... – пока мертвый уже воин не начал падать назад, вздрагивая торсом от каждого смертоносного удара.

Он наконец упал на песок, подогнув одну ногу; во вторую успел вцепиться раненый пес.

– Не стрелять! – взмахом руки остановил своих бойцов Сауд. Он вдруг понял, что может быть на много дней пути вокруг никого нет. Никого кроме его самого и семерых, нет, – он взглянул на девочку, – восьмерых человек, способных не только стрелять из автомата. Да, не только стрелять, копать могилы (тут он посмотрел на лежащего навзничь Хафиза и шатер, из-за которого он пришел); и зарезать наконец того барана, который орет, не переставая, последние пять минут.

Аль-Бакри тут же назначил Насера начальником караульной команды в количестве трех человек, ткнул пальцем в направлении, где каждый должен был обеспечить наблюдение и, дождавшись, когда воины разбегутся, выполняя приказ, отправился осматривать свои новые владения. Следом потянулись остальная троица с автоматами и парень в странном наряде с ребенком. Последний явно идти не хотел, но увидев как Сауд показал глазами на девочку, молча пошел за ним, впереди остальных воинов. Командира очень впечатлила расправа

с Хафизом, да и нож, сделавший свою кровавую работу, укрылся где-то в широких складках его одеяния. Девочка опять была на руках парня; только раненый пес, остановленный взмахом ладони, остался охранять маленькое стадо из двух верблюдов и четырех (не ошибся Сауд) коз.

Прежде всего Аль-Бакри подошел к шатру. Шатер был великолепным; раньше в таких жили эмиры. Да и сейчас он был по карману очень немногим. Затканый внутри шелком, он не был обременен обилием обстановки. Вдоль стен его были в несколько рядов расстелены одеяла, по восточной традиции хан-атласные с верхней стороны; посреди шатра стоял столик, заставленный фруктами и сладостями в чашах желтого металла («Золото», – равнодушно отметил Сауд). Рядом курился высокий кальян.

Аль-Бакри опустил полог шатра, не заходя внутрь – не потому, что не хотел топтать белоснежный войлок на полу: пусть он воинов внутрь, выгнать их оттуда получится не скоро. А в своем авторитете вождя он был уверен не столь сильно, как хотя бы час назад.

Дальше экскурсия пошла вдоль по периметру участка, составленного в основном фрагментами каких-то развалин, среди которых в разных позах застыли трупы – мужчин, женщин и совсем немногих (он увидел всего двух) детей. Если бы Сауд мог сейчас оживить Хафиза, он бы с удовольствием сам убил его, и не один раз. Не потому, что был таким человеколюбивым, нет. Почему-то Аль-Бакри был убежден, что никогда больше не попадет в Сирию; что жить ему дальше придется малым племенем, в котором так пригодились бы... ну хотя бы вон та красавица, несомненно арабка, хоть и белокожая, как европейка. Девушка лежала обнаженной в огромной ванне, из которой уже почти исчезла вода. Чуть выше ее левой роскошной груди темнели сразу два входных отверстия пуль, которые, пробив тело насквозь, разрушили и целостность толстой пластиковой емкости, созданной для любви и неги. Теперь тут ни тем, ни другим не пахло. Да еще этот баран!

Сауд резко повернул на звук. Баран, как оказалось был заперт в автомобиле-пикапе, «Фольксвагене-Амарок», какого Аль-Бакри никогда прежде не видел. Трехдверный, с длинным крытым кузовом, он был совершенно целым, не считая срезанного начисто регистрационного номера впереди. Его хозяина такое безобразие ничуть не волновало – он сидел, откинувшись на сиденье автомобиля, с пробитым пулей лбом и открытыми глазами, сохранившими удивленное выражение от картинке окружающего мира. Оболочная пуля со стальным сердечником несомненно пробила и сиденье, и тонкую стенку за ним, и несчастное животное, исходящее криком.

Командир не погнушался сам распахнуть обе двери пикапа – и тут же отпрыгнул в сторону, когда его едва не сбила с ног полноводная живая река.

– Один, два, три, четыре... – он насчитал двенадцать овец, вырвавшихся из тесного плена; еще четыре оставались внутри – три лежащих неподвижно и четвертая, бьющаяся в судорогах и издающая тот самый душераздирающий крик.

– Абдалла, – подозвал он своего воина, тоже удивительным образом похорошевшего, – и ты, – ткнул он пальцем в парня в светлой домотканине.

– Меня зовут Хашимулло, господин, – он чуть поклонился Сауду и дернулся вслед за овцами. Впрочем, он тут же замер на месте – то ли потому, что его резко окрикнул командир, то ли потому что бараны и сами шарахнулись назад, ему навстречу, услышав как в глубине леса утробно взревел какой-то зверь. Ему ответил другой – более протяжно, с настолько дикой первобытной тоской, что воины, да и сам Аль-Бакри, наверное, побледнели и крепче стиснули приклады автоматов.

Но никто из дебрей не появился, и Сауд повторил:

– Абдалла и ты, Хашимулло, – займитесь баранами, – воины аллаха не должны остаться сегодня голодными.

Все еще озираясь на мрачный лес, командир отправился дальше, теперь уже только с одним бойцом. Они шли по кругу, огибая, а местами и перелезая через уцелевшие стены

с удивительно ровными обрезанными торцами – здесь будто тоже порезвился великан с волшебной саблей; его внимание привлек роскошный лимузин строгого черного цвета, разрезанный вдоль ровно посередине, так что водитель, пристегнутый ремнем и одетый в не менее вызывающую ливрею, лежал в сидении на правом боку – тоже, к сожалению, мертвый.

Аль-Бакри вдруг расслышал шепоток – такой тихий, что не наступи вокруг после душевизирующих звуков из лесов абсолютная тишина, он бы прошел мимо. Но нет – сильные руки отодвинули в сторону какой-то прилавок с наваленными на нем грудями женской одежды, и на воинов испуганно уставились тесно прижавшиеся друг к другу две молодые девушки – тоже, как и все вокруг, арабки. Одна из них, посмуглее, начала открывать рот, чтобы нарушить установившуюся вокруг тишину отчаянным визгом, когда Сауд, удивив воинов, а больше самого себя, необычайно мягким голосом остановил ее:

– Успокойтесь, сестры. Все кончилось. Аллах наказал нечестивца. Теперь я.., – он оглянулся на бойцов, – мы не дадим вас в обиду.

Еще больше удивились двое прожженных подонков, которые в последний год ничем, кроме убийств и насилия не занимались, когда поняли, что девушки поверили командиру. На их устах появились несмелые улыбки и они охотно присоединились к Абдалле и Хаши-мулло, разделяющих уже третью тушу. Впрочем, они тут же были отправлены на поиски приправ и специй, а также посуды, желательно казана, в котором Абдалла обещал сварить плов, достойный шейхов. Сварить из риса, полмешка которого он уже где-то раздобыл.

На немой вопрос командира он махнул рукой в сторону шатра:

– Там целая лавка – и рис, и маш, и много чего еще. Нават я уже замочил, – Абдалла показал какую-то кастрюльку с залитой водой горкой крупных горошин, – а хозяин дохлый лежит, платить не нужно.

Боец захохотал во все горло и пообещал, что кебаб будет готов даже раньше плова, а Аль-Бакри недовольно поморщился. Впереди было самое неприятное – надо было избавиться от трупов. Желательно закопать. Не только потому, что припекающее все сильней солнце подгоняло к этому. Он никак не мог забыть продирающих до самых костей лесных криков. Не уберу все вокруг, скоро сбегутся и слетятся все падальщики вокруг, а что тут будет твориться ночью!?

В том, что в окружающем их лесу падальщики есть, он не сомневался. Там, где есть человек, там сразу же появлялись эти твари. Аль-Бакри думал даже стаскать все тела в какой-то из подвалов (их было вокруг на удивление много), и завалить его, можно даже взрывом – умения у него хватило бы, а взрывчатки... Вот со взрывчаткой было все непонятно. От длинного, метров двадцати бункера, осталось не больше пяти; окажется ли там взрывчатка, принятая по описи, он не знал. Ведь не сам же он таскал тяжелые ящики. Вот в том, что автоматы с ящиками патронов к ним, и те самые приглянувшиеся пулеметы со снайперками здесь, рядом, он не сомневался. И это радовало душу. А предстоящая работа не радовала. Хотя, командир он или не командир?!

Уже через пять минут Насер сдал ему пост, а сам вместе со вторым воином сносил тела к тому месту, куда, как оказалась, рука командира добросила гранату – в тот самый момент, когда их жизнь круто поменялась. И Аль-Бакри эти перемены начинали нравиться. Если бы еще не Хафиз!

Поляна в этом месте удлинялась, заходя глубоко в лес, кажется, так далеко, что ее можно было принять за начинающуюся (или заканчивающуюся здесь) дорогу.

Сауд даже прильнул к ней, пытаясь разглядеть заросшие колеи – но нет. Ни нога человека, ни какой-либо механизм своих следов здесь не оставили. Какая сила пробила эту просеку – вода, дикие звери или другой каприз всевышнего, он разобрать не мог. Аль-Бакри вообще лес не любил; он не понимал его, не разбирался – ведь не называть же лесом те чахлые заросли

в афганских горах. А тут – настоящая Сибирь – от этого слова Сауда пробило морозом, так, что он чуть не сбился со счета.

Но нет – вот и Насер подошел, тяжело отдуваясь, для отчета. Солнце за прошедший час поднялось еще выше, так что было уже почти как в родной Сирии. Если бы еще не этот проклятый лес!

А воин подтвердил, что командир не ошибся в подсчетах: четыре ребенка, двенадцать мужчин и шестнадцать женщин отправил на тот свет проклятый Хафиз. Точнее троих из них проводил к всевышнему сам Насер, показав три пальца правой руки, а большим пальцем левой проведя себя по горлу – добил.

Аль-Бакри отправил его на поиски шанцевого инструмента; другой воин присел рядом с ним. Его грязное лицо лоснилось от пота, и командир подумал, что можно было бы отправить и его – на поиски воды. Пока же его негромкий разговор самого с собой не мешал командиру. До тех пор, пока Сауду не показалось, что в унисон почти спокойным арабским словам раздаются чьи-то чужие, гортанные и чем-то знакомые. Но нет – не показалось. Из чащи вдруг появился худощавый парень с густыми вьющимися черными волосами на голове и таким характерным носом, что Аль-Бакри принял его за своего, за араба. Но последний вдруг при виде воинов просиял лицом и крикнул в лес что-то на иврите, который Сауд не то чтобы знал, но отличить от других мог достаточно уверенно – приходилось сталкиваться, и не раз.

Из чащи выскочила теперь целая толпа – человек десять, не меньше. Тут первый, призвавший сотоварищей, увидел наваленные вдоль тропы тела погибших; увидел кто-то еще. Из толпы раздался истошный женский визг и вся она подалась назад, в лес, но поздно – из-за спины командира раздалась длинная очередь и сразу несколько человек, и прежде всех кучерявый предводитель, повалились на землю.

– Ишак и сын ишака, – выругался Сауд, оборачиваясь и вырывая оружие у подчиненного. Несколькими длинными прыжками он достиг толпы, замершей на месте, и принялся прикладом сбивать их компактней, а затем и укладывать на землю ничком. Воин, немного обиженный вспышкой ярости командира, присоединился к нему, помогая за отсутствием автомата руками и ногами, не забывая пинать пленников так, что Сауду пришлось опять одернуть его.

– Господин, это ведь евреи, – заговорил он, почти крича и брызгая слюнями, – сейчас мы их всех...

– Стой, – приструнил воина Аль-Бакри, не решаясь, однако, обозвать его и показал на гору трупов, – яму ты копать будешь?

– Точно! – обрадовался воин аллаха, – пусть копают, а потом мы их...

– Ишак! – все-таки не выдержал Сауд, – а баранов ты пасти будешь, коз ты доить будешь, – голос его крепчал с каждым словом, – а потом ты этих баранов трахать будешь?! У нас только две женщины, две! Каким ты в очереди будешь, знаешь?

Вояка понял, что скорее всего до него очередь никогда не дойдет и посмотрел на пленников, вернее пленниц, совсем другими глазами. На земле между тем жались к друг другу всего четыре фигуры. Женские фигуры, потому что трое мужчин, выскочившие из леса в первых рядах, лежали на земле чуть поодаль, не двигаясь. Еще одна девушка шевелилась, но так слабо, что Аль-Бакри, только глянув на руки, которые она прижимала к животу, на кровь, уже пропитавшую большую часть ее платья, понял – не выживет; работа для Насера.

А последний и сам уже бежал на звук выстрелов, почему-то без автомата, но с лопатой наперевес.

– Еще один ишак, – подумал Сауд, встрепенувшись, обрадовано глядя, как из чащи чуть дальше остальных показалась еще одна женская фигурка в темном брючном костюме, по какой-то причине отставшая от сотоварищей.

Но сейчас она оказалась шустрее остальных. Коротко вскрикнув, она повернулась и исчезла за поворотом широкой тропы, которую Аль-Бакри совсем недавно изучал.

– Куда, – железная командирская рука успела перехватить за камуфляж Насера, – куда без оружия?

Тот ошалело помотал головой, пытаясь вырваться из захвата командира и вдруг обмяк, видимо вспомнив страшный рев в лесу,.

Впрочем, Сауд и сам понимал, что беглянку надо поймать, что она могла вернуться не одна, с помощью. И пусть вероятность такого была ничтожно мала – скорее девушку загрызут дикие звери, или она заблудится и упадет без сил, что опять таки заставляло думать о хищниках. Даже такой вероятностью нельзя было пренебрегать, а кроме того еще одна женщина в его... он даже не знал, как назвать то непонятное пока, что хотел слепить из этих таких разных людей.

В общем, через пять минут в погоню отправились два воина, старшим из которых был назначен Насер. Оба были вооружены акээмами с двумя спаренными магазинами – сто двадцать патронов могли уничтожить или разогнать любую стаю хищников.

Так думал Аль-Бакри. Что думают воины, его не интересовало.

Прибежавший следом за Насером Абдалла обрадовал, что кебаб уже почти готов, а в казан скоро будет заливать воду, но соли нет и поэтому...

Сауд явственно представил серое длинноухое животное, но обижать воина не стал – уж больно мало их у него осталось. Не вооружать же Хашимулло. Аль-Бакри небезосновательно предполагал, что последний повернет дуло автомата совсем не туда, куда ему укажут. Впрочем про парня командир вспомнил совсем не случайно.

– Абдалла, твой друг Хашимулло...

– Он мне не друг, – насутился воин.

– Хорошо, не твой друг Хашимулло ехал на верблюде, с ребенком, с козами, с собакой...

– Ага, – подхватил Абдалла, – он мне рассказал. Их буря настигла песчаная, в пустыне.

– И как ты думаешь, человек едет по пустыне с ребенком, на верблюдах хурджины, что в них?

– Точно, – вдруг догадался воин, и умчался туда, откуда доносился умопомрачительный запах кебаба.

– Господин, есть соль, – радостным голосом закричал он из-за шатра, – и хлеб есть, и...

Но Сауд не слушал его, он пытался понять, что может сделать он сам и два воина (не считая Абдаллы, который помимо всего прочего еще и за парнем должен был наблюдать, да и за девушками-арабками, оказавшимися родными сестрами). В результате недолгих раздумий один из воинов отправился на противоположный конец их лагеря, где наблюдал за окрестностями, забравшись на самую высокую развалину; то же самое сделал второй боец, оккупировавший похожий наблюдательный пункт, но уже здесь, рядом, где четверо женщин – сначала под угрозами, и даже легкими затрещинами начали расширять лопатами (и одной широкой мотыгой, реквизированной у Хашимулло) воронку. Потом удивленный воин увидел, как командир, забросив за спину автомат и взявшись за свободную лопату, тоже включился в работу.

При этом он о чем-то негромко переговаривался с пленницами, но, как не напрягал слух воин аллаха, ничего понять он не смог. Потому что не знал английского языка.

Зато его хорошо знали и сам командир и его невольные собеседницы. В результате уже совсем скоро он узнал, что израильянки (и израильяне) тоже неведомо как оказались на поляне посреди дремучего леса, в развалинах, которые они не успели толком даже разглядеть, потому что на них со все сторон полезли жуткие твари, которых две женщины обозвали медведями, а две другие – какими-то монстрообразными собаками. Они даже немного поспорили, не обращая внимания на разулыбавшегося командира.

Потом две девицы принесли кебаб, жесткие до каменного состояния лепешки и пятилитровую пластиковую бутылку с водой, увидев которую пленницы заметно оживились – этикетка была заполнена буквами на иврите, и женщины наперебой стали объяснять Сауду, что пустынь

ный Израиль, оказывается, экспортирует громадное количество бутилированной воды. («Вот молодцы евреи», – невольно восхитился Аль-Бакри).

Затем настала пора стаскивать в не такую глубокую, как хотелось бы командиру, яму трупы. Здесь противоестественная близость араба и израильтянок разом исчезла. Девушки опять стали хмурыми; бросали взгляды, полные ненависти, не скрывая их, так, что командир опять взялся за автомат и отступил в сторону, чтобы все четверо оказались под прицелом.

Над поляной расплывался запах почти готового плова; девушки уже закончили засыпать землей тела – уже нечем было засыпать, если только не начинать копать рядом новую яму. А Аль-Бакри все сидел, отчего-то в смертельной тоске, понимая что зря отправил воинов за беглянкой, не замечая ни пленниц, ни Абдаллу, теребившего его за рукав.

– Господин, господин, плов готов – руки моем, кушаем...

– Не кушаем, Абдалла, – Сауд отстранил верного воина и упруго вскочил на ноги, передегивая зачем-то затвор готового к бою оружия и наблюдая короткий полет выброшенного пружиной патрона.

Затем он повернулся к невысокому зданию, служившему наблюдательным пунктом – как раз в тот самый момент, когда с крыши бесформенной кучей камуфляжа повалился караульный. Следом мягко, словно не с двухметровой высоты спрыгнул воин. Не воин – Воин! И Аль-Бакри понял, что второй пост тоже ликвидирован, и что такого противника ему не одолеть. Таких он видел в далекой молодости, в Афганистане – в прорезь прицела, но никогда в рукопашной, потому что тогда бы его сегодня здесь не было. Один – совсем крошечный шанс у него оставался. Поташив за собой Абдаллу, он заслонился от противника живым щитом. Четверка пленниц так и стояла, застыв у братской могилы.

Воин напротив покачал укоризненно головой, поднимая для выстрела пистолет и указывая им на оружие Сауда (Абдалла был безоружен, если только не считать оружием шумовку, зажатую в правой руке). Аль-Бакри упрямо мотнул головой, отказываясь, переступая вправо так, что опять живой щит закрывал его. Одновременно он начал поднимать автомат, готовый уничтожить все – и противника, и девушек, и Абдаллу, и весь этот непонятный, жуткий и такой прекрасный мир, который...

– Пусть он не достанется никому!

В этот момент сбоку раздались короткие хищные очереди, и он увидел, как падает его последний воин, как у него самого на груди рвется лохмотьями камуфляжная куртка; самую грудь наполняет нестерпимая боль. Последнее, что увидел Аль-Бакри в этом мире и этой жизни – темный силуэт беглянки с автоматом у плеча.

Черная душа Сауда Аль-Бакри вознеслась к аллаху, в которого он так и не успел поверить.

Глава 4. Подполковник Кудрявцев. День первый, продолжение

Долгая, полная опасностей и крутых поворотов судьбы карьера профессионального военного приучила подполковника тщательно планировать свои действия – на час, день, месяц... Она же не раз показывала – в любом плане, каким бы продуманным он не был, нельзя предусмотреть всего; обязательно может вылезти (и зачастую вылезает) какая-нибудь мелочь, какая-то нестыковка, способная порушить самый гениальный замысел. План Кудрявцева был весьма простым и вполне выполнимым – учесть все и всех, попавших волею неизвестных сил в этот миниатюрный анклав русских людей, определить, так сказать, наличие и возможности личного состава, расставить людей по местам, обеспечить их элементарными условиями питания и бытовых удобств и, подобрав небольшую, но достаточно боеспособную группу соратников, каждого из которых в ближайшие дни он собирался проверить, начать целенаправленно и методично обследовать окрестности. И прежде всего в том направлении, где уже не в первый раз ему слышались звуки очередей автоматического оружия и одиночных выстрелов.

Именно с той стороны выскочила девчонка лет восемнадцати-двадцати. Сколько лет ей было на самом деле, можно было только гадать – или спросить ее саму. Но только после того как она отдышится хотя бы немного. А сам Кудрявцев в это время как раз бы занялся неизвестным (или неизвестными) в камуфляже и с автоматом Калашникова – таким родным и привычным, что правая рука явственно ощутило теплое гладкое дерево приклада, а ветерок словно донес запах оружейной смазки.

На самом деле в руке уже был метательный нож, совсем недолго – лишь только до того мгновенья, как подполковник уверился: ничем иным остановить незнакомца с ярко выраженной восточной наружностью остановить невозможно. Его палец уже был готов нажать на курок автомата, а очередь из АКМ на таком расстоянии...

Сам подполковник уцелел бы особо не напрягаясь, обучен был и не такому, но за спиной было столько людей... Поэтому нож полетел точно в цель – чуть выше распахнутого ворота грязного песочного камуфляжа, в судорожно дернувшийся в последний раз кадык.

– Там еще, – прохрипела незнакомка за спиной, но Кудрявцев и без нее бросился бы в лес – стремительно и бесшумно. Соблюдая, естественно, все доступные меры маскировки. Это он открытое пространство до опушки леса преодолел в несколько гигантских прыжков; ощутив в руке действительно теплый приклад АКМ и нырнув в лес, он преобразился; движения его стали более плавными. Он местами словно перелетал несколько метров, скрытый от взглядов спереди сразу несколькими стволами деревьев; потом двигался медленно и тягуче – так, словно не человек крался по вековой чаще, а сам лес играл причудливыми тенями, в которых не ищущий специально глаз мог распознать что угодно, любую тварь, которых, наверное, здесь было предостаточно.

Наконец он остановился, пропуская мимо себя почти полную копию первого бандита (а что это бандиты, Кудрявцев несколько не сомневался) и прислушался. Хрипкое дыхание бредущего по широкой тропе человека, совсем недалекий шум лагеря, в котором явно забегали, закричали люди и... все. Все остальные звуки принадлежали лесу и в настоящее время подполковнику не мешали; зато они помешали бандиту почуять, как за его спиной внезапно выросла тень и попытаться избежать удара – не сильного, но вполне достаточного, чтобы его сознание на некоторое время отключилось.

Бессознательное тело тут же было убрano с тропы, и пришло в себя совсем скоро, приклоненным к неохватному стволу какого-то дерева. Никакой боли или неудобства при этом

не ощущалось, не считая невозможности двигать членами, каким-то хитрым способом стянутыми между собой, да камня, или шишки, больно впившуюся в правую ягодицу.

Впрочем о последнем Насер – а именно так назвался молодой сириец, сразу же забыл, когда начался допрос. Настоящий допрос, не тот, который боец небольшого бандитского отряда мог видеть, наверное, каждый день своей военной карьеры. Что удивительно, незнакомец с серыми холодными глазами и двумя автоматами (понятно чей был второй), да ножом со страшным лезвием темного цвета воина аллаха не бил, кишки ему не тянул, пальцы ножом не резал, но совсем скоро знал все, что хотел. Несмотря на то, что русский (а это был самый настоящий русский!) арабский язык знал совсем слабо – на сугубо профессиональном диверсионном уровне – а Насер по-русски знал только Россия, Калашников и Путин.

– Ну что ж, все понятно, – протянул негромко Александр, – в то время как его руки буднично делали свою страшную работу.

Короткое движение, и бандит со свернутой шеей навеки закрыл глаза в чужом для себя лесу. Подполковник при этом не почувствовал никакого дискомфорта. Это существо, еще совсем недавно всеми силами пытавшееся сохранить себе жизнь, давно уже было вне любых законов. Это был солдат отряда, стоящего вне всяких законов – не тех отрядов, которые непонятно как, но вполне успешно громят регулярные войска сразу нескольких государств, а небольшой банды, так сказать «на подхвате», которые следуют подобно шакалам за линией фронта. Именно их зверства обычно и показывают телеканалы. Так что подполковник просто привел в исполнение приговор суда. Высшего суда. То обстоятельство, что оставлять такого пленника в живых, каждое мгновение ожидая удара в спину, конечно тоже учитывалось, но точно не в первую очередь – тут Кудрявцев был в себе уверен.

– Итак, что мы имеем, – негромко констатировал он, стягивая с трупа почти новенькие берцы сорок второго размера, – еще один анклав, сирийских арабов (но не факт пока, что чисто сирийский) размером, пожалуй, такой же как наш, но!.. Со складом оружия (кстати нашего, советского) и какой-то бронетехникой. Четверо бойцов, с командиром, который взялся непонятно откуда и командует голосом прежнего, хотя на него совсем не похож.

– Ну, нам-то это понятно, хотя и необъяснимо, – подполковник даже помотал головой, чтобы самому не запутаться, – но главное – это оружие, бесхозное оружие (четверых противников он по законам военного времени уже списал). Затем маньяк Хафиз, уничтоживший практически всех, парень с девчонкой, верблюдами и козами; еще какие-то бараны, плов и кебаб от Абдаллы...

Конечно были еще четверо израильтянок, которых по тем же самым законам надо было спасти. Спасать в первую очередь, и он это прекрасно понимал. Умом. А сердце подсказывало фразу кого-то из великих: «Оружия много не бывает!».

На вопрос – что вдруг больше подтолкнуло его, словно хороший пинок под зад – естественная мысль мужчины, офицера о спасении жертв боевиков, или живо представшая перед глазами картинка, как кто-то другой – не он – добирается до сирийского бункера, он не смог бы ответить даже самому себе. А себе он никогда не врал.

Поэтому он так же стремительно вернулся на поляну, неся в одной руке два автомата, а в другой – обувь, которая сирийцу уже была не нужна. Лагерь встретил его негромким гомоном людей, столпившейся вокруг израильтянки. Последняя вертела головой, не зная, кому отвечать в первую очередь – столько вопросов падало на нее. Что интересно – отметил подполковник – она явно понимала эти вопросы. От долгого бегства она уже вполне оправилась. Тем более, что кто-то успел принести ей полторашку газированной воды, наверное из сельского магазина – Александр видел там такие.

– Тихо, – поднял руку подполковник и толпа почти сразу затихла. Он мысленно улыбнулся, – привыкают, однако, ребята.

Кудрявцев дождался полной тишины, сделал зверское лицо Дубову, который, как оказалось, бросил свой пост и тоже оказался здесь, пытаясь теперь спрятаться от командира в задних рядах. Сделать это при его габаритах было невозможно и он, скорчив умилительно виноватую физиономию, исчез за стеной, чтобы совсем скоро оказаться над бывшей квартирой Александра. Последний дернул было рукой, чтобы протянуть берцы босому Малышеву, но задержал движение, увидев, что хозяйственный геолог уже сам обзавелся сапожками-казаками.

– Ну и что за прелестное создание к нам пожаловало? – мягким голосом обратился подполковник к израильтянке.

Та удивленно посмотрела на него; она явно не назвала бы себя так.

Медленно вставая и не выпуская из руки наполовину опустошенную бутылку, она ответила, как и предполагал Кудрявцев:

– Я Оксана Гольдберг, из Тель-Авива, из госпиталя Сураски...

– Фигассе, – присвистнул кто-то из парней, чей голос еще не был знаком Александру.

Другой голос, много тише, но вполне узнаваемый Кудрявцевым (парень с чемоданом – кто же еще!) добавил:

– И тут евреи!

Девушка наверняка тоже расслышала последние слова, потому что повертела кудрявой головой, естественно не распознав никого во множестве окружавших ее лиц, и опять обратилась к Александру:

– Так-то я русская... ну, советская, родилась и выросла в Красноярске, товарищ э...

– Подполковник, – подсказал тот.

– Товарищ подполковник. В восьмидесятых все наши в Израиль уезжали, вот и я, в восемьдесят четвертом...

– Вот и сидели бы там в своем Израиле, – пробурчал тот же недовольный голос, но девушка уже не обращала внимание ни на кого, кроме Александра:

– Товарищ подполковник, там же еще наши..., там их..., там террористы...

– Знаю я, Оксана, – остановил ее Кудрявцев, – выручим их. Вот через... десять минут и отправимся.

Он ожидал, что парень опять язвительно пройдетя насчет «наших», но тот поостерегся, и подполковник громко позвал:

– Рубцов, Дубов, Котова, Малышев, ко мне!

Впрочем, Малышев стоял рядом, и командир спросил первым у него:

– Это что такое? – он указал пальцем на пластмассовую ванночку, в которой купают новорожденных. Последняя была с горкой заполнена пакетами с туалетной бумагой, какими-то пузырьками, бутылочками.

Однако геолог принял указующий жест совсем по другому. Он вдруг стал переступать ногами так, словно пытался спрятать казаки один за другим. Ничего естественно у него не получилось, и он виноватым голосом пояснил:

– Там, товарищ подполковник, еще один погибший. Помните, мы трубы видели, профильные, – Кудрявцев кивнул, – так ими парня какого-то завалило, насмерть. И мотоцикл его.

– Ага, – вспомнил подполковник, – мотоциклист, – а Малышев продолжал:

– Так привалило, что только ноги и торчат. Так я – вот... По камням, знаете ли босиком неудобно...

– Правильно сделал, Игорь Владимирович, – успокоил его подполковник; он никогда раньше не жаловался на память, а сейчас предполагал, что с этим вопросом... по крайней мере стало не хуже. Он помнил всех, кого успела записать Котова, и кто сам представился ему, помнил про них каждую строчку информации, а с остальными... Про остальных как раз и протягивала ему листки догадливая Мария Сергеевна.

– Вот уж с кем повезло так повезло, – он взял в руки листки, заполненные все тем же убористым почерком, но сначала обернулся к коменданту Рубцову, – обед готов, Николай Петрович?

– Сейчас уточним, Александр Николаевич, – и он обернулся, кого-то выискивая в рядах, – Егорова, Зинаида Сергеевна, пожалуйста к нам...

– А что, сейчас всех и накормим. И тебя, милая, – Зинаида приобняла Оксану, отчего у той в глазах показались слезы., – как и говорили, сначала скоропортящееся.

– Хорошо, – подполковник недовольно покосился на коменданта, который как видно, раньше неплохо поживал, перекладывая всю работу на подчиненных, – сначала накормить тех, кто пойдет со мной. Он окинул взглядом окружающих:

– Никитин!

– Я!

– С кабаном закончили?

– Так точно!

– Молодец! Первый; Малышев!

– Я!

– Второй; Володин!

Пожарник выступил вперед.

– Будешь третьим, – прозвучало двусмысленно, но никто, даже Никитин не засмеялся; Ершов! – парень с подбитым глазом выпрямил плечи, даже стал как будто выше. Подполковник поколебался, но все же кивнул, – Четвертый.

Кудрявцев поднял к глазам листки, споро пробегая по ним, выискивая нужную ему информацию. Взгляд царапнуло знакомое до боли слово: «Афганистан» и он остановил здесь свое внимание:

– Холодов Юрий Михайлович, шестьдесят первого года рождения, в восемьдесят втором году в Афгане, – на приглашающий голос Кудрявцева никто не откликнулся, и он оторвал взгляд от листка. Парень, о котором шла речь, стоял отдельно от толпы, и явно не собирался подходить.

Тогда Александр сам подошел к нему; он тут же понял причину такой стеснительности парня. От того немилосердно смердело, и подполковник удивился, как только Котова вытерпела, записывая не очень богатую биографию Юрия. Слово бомж там нигде не фигурировало, но глядя на его наряд (почему-то присутствовал только один башмак) и отвратительный запах, все оттенки которого подполковник назвать бы не смог, а уж он-то видывал и не такое, Кудрявцев едва сдержался, чтобы не шагнуть назад, подальше от бывшего воина-интернационалиста. Он тут же спросил: «Пойдешь?» и дождавшись несмелого кивка, показал на баню:

– Еще не остыла; чтоб через десять минут скрипел от чистоты. Свою одежду сжечь. Не хватало нам сюда паразитов занести.

– А...

– А смену белья возьмешь вон у него, – подполковник кивнул на бандита, так и валявшегося у кромки леса, – не первой свежести и чистоты, конечно, но твоя совсем уж как-то... Что мнешься – трупов боишься, или брезгуешь?

– Да нет, – парень мотнул головой в сторону толпы.

– Стесняешься, – догадался Кудрявцев, – правильно делаешь. Ничего, сейчас тут ни души не останется.

Командир подошел к Дубову, до сих прячущему взгляд:

– Держи, сержант, – он протянул Виталию АКМ, – сейчас быстро перекусить, оправиться и опять на пост. И смотри у меня – пока я не вернусь, отвечаешь тут за каждого.

– Понял, – расцвел улыбкой Дубов, и широкими шагами отправился в сторону «столовой», до которой было всего ничего: весь лагерь был размером двадцать пять на двадцать пять

метров, и если бы не нагромождение бетонных стен да останков автомобилей самой разной степени поврежденности, он бы просматривался бы насквозь.

– Пойдемте, товарищи, оценим, чем нас сегодня Зинаида Сергеевна угощать будет.

– Да я не одна, – разругалась от смущения Егорова, – тут мне многие помогали.

Кудрявцев, пропуская мимо себя людей, остановил Рубцова и Ильина. Последний как раз остановился у ванночки с туалетным скарбом и показывая на нее пальцем, похвалился:

– Видали, командир что мы с Игорем откопали под ванной, под туалетом.

– В смысле?

– Вы же сами сказали, что под комнатой метра два стен да песок вместо пола. Но я решил все-таки подстраховаться. Подкопались мы шустро с Малышевым – точно песок. А еще ящики на стенках с барахлом нужным.

– Молодцы, мужики, – машинально похвалил подполковник, обводя широким жестом развалины, – это что же получается – тут кругом катакомбы. С добром, а может быть... и люди где-то заваленные помощи ждут?

Подполковник явно принял новое решение насчет Ильина:

– Значит так, Валерий Николаевич, – берешь пару парней покрепче и начинай обследовать эти подвалы. Главное, конечно, люди, но и примечайте, что где полезного лежит... Да – сам лично оцени все помещения на предмет надежности, вместительности ну и... как себя в случае дождя поведут. Сдается мне, что скоро нам много складов понадобится, очень много.

Кудрявцев задумался о чем-то ненадолго, а затем повернулся к Рубцову.

– А ты, Николай Петрович, как-то поактивнее что ли. И еще одна тебе задача будет. Там тела погибших девушек; вот Валерий Николаевич еще одного погибшего покажет. Надо с ними по-человечески попрощаться. К вечеру вон в той рожице, – Александр показал на реденькую группу каких-то лиственных деревьев, похожих на березы, растущих метрах в пятидесяти от лагеря, – должны быть готовы три могилы полного профиля.

– Это как? – удивился Рубцов.

– Это так, что бы никакой зверь откопать не мог, – отрезал Кудрявцев, – а может и не три.

Подполковник выразительно посмотрел на Ильина.

Тот понимающе кивнул и показал на бандита, так и лежащего у самого леса, но уже практически полностью раздетого:

– А с этим что делать?

– С этими, – поправил его Кудрявцев, – там еще один был. С этими я сам разберусь.

Троица командиров наконец-то повернула за угол бани – туда, где стараниями Егоровой и ее помощниц были накрыты столы. Основание их потрясло своей фундаментальностью – вместо ножек кто-то весьма изобретательный сдвинул вместе две газовых трубы, служивших ранее лавками; столешницами служили четыре листа фанеры толщиной не менее трех сантиметров.

– Водостойкая, финская, – похвалился Ильин.

– Ага, – понял Александр, – наш пострел и здесь поспел!

Вслух же он спросил:

– Откуда такую благодать откопали?

– А, – улыбнулся Валерий Николаевич, – там у писателя нашего гараж оказался, он в нем сюда и приехал.

– Как, прямо так в гараже?

– Нет, так-то он в машине своей сидел, в иномарке, – Ильин издевательски усмехнулся, – в «ДЭУ Матиссе», – Ну, гараж-то не намного больше этой машинки, зато весь целый стоит, с крышей и воротами. А больше там у него ничего и нет. Зато за стеной с метр соседнего гаража как по шнурке отрезало; и к нам перебросило. Так там этого добра... Да вы, товарищ подполковник, сами посмотрите, – он приглашающе взмахнул рукой.

Александр посмотрел на часы: две минуты до назначенного срока еще было и он повернул за Валерием.

Да, соседский гараж, вернее полка от него, примыкающая к соседнему, целому строению, поразила бы воображение любого нормального мужика. Одних наборов с ключами – солидных пластиковых кейсов – Кудрявцев насчитал шесть штук, много инструмента отдельного – каждый на своем месте, любовно определенном ему прежним хозяином; целый угол был занят крепежными материалами, рассортированными по пластиковым прозрачным коробочкам с притертыми крышками. В другом углу теснились остатки тех самых фанерных листов. Увы, ничего похожего на электрические или бензомоторные инструменты подполковник не увидел. Хотя невозможно было поверить, что у такого хозяина не было в гараже шуруповерта и болгарки, сварочного аппарата и дрели...

– А еще лучше, – дизельного генератора, – помечтал Кудрявцев.

Несомненно, все эти предметы в гараже рачительного хозяина были. Увы – не в том углу, где хотелось бы подполковнику. С этой мыслью он повернулся и пошел туда, где уже пыталась построиться его боевая команда. О сохранности склада инструментов у него душа не болела – понял, что Ильин даже одному гвоздю не даст пропасть.

Между тем команда, ожидавшая его, оказалась куда внушительнее, чем он предполагал. Рядом с Дубовым и Малышевым, Ершовым и Холодовым – чистым, донельзя довольным и дожевывающим бутерброд с колбасой, стояли: профессор с доцентом, израильянка, девушка в белом халате с сумкой защитного цвета через плечо. Подполковник выудил из памяти: «Николаева Людмила Васильевна, старшая медсестра онкодиспансера, из Краснодара». Ну это понятно, и вполне приемлемо.

А вот остальные, особенно доцент Игнатов – маленький, не выше метра пятидесяти пяти, с узкими плечами... Кудрявцев вдруг представил себе картину: Роман Петрович бредет, повесив на каждое плечо по два АКМ со снаряженными магазинами (каждый, между прочим больше четырех с половиной килограммов), а за спиной придавливает к земле ящик с патронами – еще двадцать пять кило.

– А ведь донесет, – вдруг понял он, – сдохнет, но донесет!

Но вот эта... Оксана ведь только что пробежала не меньше семи километров (по крайней мере так оценил расстояние Насер), да под горку, а ведь теперь идти придется в гору...

Израильянка словно поняла его сомнения:

– Вы не думайте, товарищ командир, я дойду, я сильная. И вообще, я в Союзе биатлоном занималась, я даже с Анфисой Резцовой бегала...

– Ну и как? – живо заинтересовался Кудрявцев.

– Что как? – не поняла вопроса Гольдштейн.

– Как бегала-то, с Анфисой Резцовой?

– Да ну вас, товарищ подполковник! Кто Резцова, а кто я?! Еле-еле кандидата в мастера выполнила.

Подполковник мысленно присвистнул – кандидат в мастера спорта по биатлону... это совсем неплохо, а в их условиях даже замечательно. Он даже сделал паузу, прежде чем снять второй автомат с плеча. Но в результате АКМ все-таки оказался в руках у Холодова, а отряд пополнился еще одним членом – к изумлению Александра в компанию напросился Виктор Федорович Иванов, тот самый парень с чемоданом. Впрочем удивлялся Кудрявцев недолго. В глазах Виктора, в каждом его движении: резком, нетерпеливым и... предвкушающем – читалось одно слово: «Мародерка!»

– Ну-ну, посмотрим, – усмехнулся он, пропуская группу вперед и ныряя в чашу последним, одиннадцатым, – нет, двенадцатым, – поправил он себя, ощутив правой рукой шерсть на широком лбу Малыша.

Глава 5. Оксана Гольдберг. День первый – самый страшный

– Свои! – в первый раз за сегодняшний день сердце Оксаны забилося не от отчаянной тоски или смертельного ужаса, а от внезапно нахлынувшей радости, в то время как дыхание ее, напрочь сбитое многокилометровым кроссом, пыталось успокоиться. Тело же, каким-то невозможным образом перенесшее эту невероятную для ее лет дистанцию, пыталось поудобнее устроиться в объятьях советского (точнее российского – поправила она себя) офицера.

Впрочем, устроиться она не успела, потому что через мгновение она была на земле, пристроенная крепкими руками бережно, но быстро; так же быстро офицер метнулся навстречу одному из преследователей Оксаны. Она едва успела прохрипеть вслед ему: «Там еще!» – как русский исчез в чаще. Бандит же, который всю дорогу держался впереди и подгонял ее веселыми гортанными возгласами на арабском языке, которого Оксана практически не знала, лежал жалкой неопасной кучкой у самой кромки леса. Она перевела взгляд на людей, окружавших ее; усаживаясь поудобнее, она только улыбалась им, слушая вопросы на языке, который так и остался для нее родным. Улыбалась до тех пор, пока не вернулся ее спаситель – как иначе можно было назвать человека, привычно несшего на плече два автомата, которыми еще совсем недавно целились ей в спину арабские бандиты.

Казалось ничто больше не могло удивить ее сегодня; но когда офицер в наступившей тишине задал свой первый вопрос, Оксана не могла поверить своим ушам: этот молодой красивый подтянутый парень в камуфляжной форме с погонами подполковника (а как же – вероятного противника надо знать!) назвал ее прелестным созданием! Ее, для которой уже не десять, и даже не двадцать лет такое обращение было сведено к нулю; которой привычным – практически повседневным – стал простенький брючный костюм темно-серого цвета и туфли на низком (очень низком!) каблуке, за которые она так благодарила бога все время, пока продолжался безумный бег по лесной дороге.

Однако удивляться ей долго не дали. Офицер, назвавшийся подполковником Кудрявцевым Александром Николаевичем, почти сразу объявил освободительный поход на арабских боевиков; кто конкретно был подключен к этой акции, Оксана узнать не успела, потому что ее сразу же увела за собой женщина, точнее молодая девушка, назвавшаяся Зинаидой Егоровой. Зина, как оказалось, заведовала местной столовой – точнее тем, что заменяло русским столовую. На двух трубах какого-то невероятного диаметра были закреплены листы фанеры. Рядом были свалены в кучу какие-то лавки, стулья. Именно свалены, а не выстроены вдоль столов. Она сразу поняла почему: присядь на такую лавку, например она – с ее ростом в метр шестьдесят четыре столешница была бы как раз на уровне подбородка.

Фанера не была покрыта ничем – зато практически вся она была заставлена тарелками, какими-то пластиковыми блюдами и просто салфетками, заполненными бутербродами с колбасой, какой-то ветчиной, еще чем-то пахнущим нестерпимо вкусно. В самых глубоких тарелках горкой были навалены соленья – помидоры, огурцы, капуста; банки, в которых эта благодать очевидно хранилась раньше, стояли тут же – у Оксаны тоже не поднялась бы рука вылить рассол. И даже то, что виднелось внутри мутной жидкости – зонтики укропа, какие-то другие листья (она вдруг вспомнила, как бабушка закатывала точно такие же банки, добавляя по пять листьев смородины, которые торжественно собирала маленькая внучка, длиннющий лист хрена, зубчики чеснока и еще что-то, придававшее бабушкиным помидорам неповторимый вкус).

– Командир велел первыми кормить ребят, которые пойдут с ним, – громко объявила Зинаида и сделала паузу, подталкивая к столу Оксану, – и девчат.

Она скорее всего не сомневалась, что израильтянка в первых рядах помчится спасать соотечественников. В общем-то она была права. Но Гольдберг не только поэтому была готова бежать обратно через мрачный и страшный, как теперь вспоминалось, лес. Почему-то ни лес, ни арабские бандиты где-то там не были теперь страшны – может потому, что группу должен был возглавить подполковник Кудрявцев. Оксана даже призналась себе, что лес и бандиты с Кудрявцевым кажутся ей куда более безопасными, чем эта мирная поляна без него.

Она успела откусить кусок от бутерброда и хрустнуть пупырчатым соленым огурцом; рядом вдруг оказался тот самый парень, который успел возмутиться ее (израильтянки) появлением. Однако сказать он ничего не успел – его тут же оттер гораздо более крепким плечом другой парень – светловолосый, улыбчивый, от которого явственно пахло алкоголем весьма низкого качества. Не сказать, что Оксана так уж разбиралась в этом вопросе, но этот запах – резкий запах сивухи – тоже вдруг всплыл в памяти из далеких детских лет.

Впрочем, парень оказался вполне приятным в общении; назвался он Толей Никитиным, оказался бывшим трактористом какого-то таежного лесхоза. Почему бывшим? – потому что два дня, как отмечал выход на заслуженный отдых.

– Отпуск? – наивно поинтересовалась Оксана.

– Пенсия! – горделиво поднял к небу палец Никитин.

Тут только изумленная израильтянка узнала, что все, или почти все, парни и девчата, окружавшие ее, еще сегодня утром были ее сверстниками, то есть родились и выросли в Союзе, и что она сама «вполне себе ничего девчонка, а что еврейка – это не страшно, не негра же...». После таких слов любая женщина, и Гольдберг не исключение, тут же помчалась бы на поиски зеркала.

Но тут перед накрытыми столами появился Кудрявцев и совсем скоро маленький отряд оказался в лесу, вернее на широкой тропе, по которой Оксана и прибежала меньше получаса назад. За первым же поворотом тропы подполковник остановил отряд; бросив берцы, которые он так и не выпустил из рук, к ногам невысокого тощего паренька, щеголявшего ярко-красными носками, еще совсем недавно новенькими, а теперь изодранными, не подлежащими никакой штопке, он скомандовал:

– Обувайтесь, товарищ доцент, – взмахом руки остановив зародившееся было возражение парня, продолжил, – Никитин, за мной!

Отсутствовали они минут пять, за которые доцент, назвавший себя Оксане Романом Игнатовым, успел не только обуться, туго зашнуровав обувь, но и пробежаться несколько раз по периметру небольшой полянки, на которой их и оставил командир. Успели представиться, а вернее познакомиться друг с другом, и остальные участники похода. Как оказалось до сегодняшнего утра лишь двое были знакомы – этот самый Игнатов, действительно оказавшийся доцентом-биологом и Алексей Романов, профессор иностранных языков – так его представил доцент. Профессор держал в руках записную книжку внушительных размеров, скорее ежедневник, в который что-то непрерывно записывал, ненадолго задумываясь. Отвлёкся он только, чтобы улыбнуться Оксане при представлении. Доцент, в отличие от него, был вооружен «посерьезнее» – в руках у него был длинный тесак самого зловещего вида. Зловещего потому, что все его лезвие покрывали запекшиеся разводы какой-то темно-бурой жидкости, скорее всего крови. Эти ножом он и махал, указывая на следующего члена отряда:

– Это Ершов Витя, Виталий Васильевич, наш художник. Успели Оксана м..., – он замялся, не зная отчества израильтянки, если у них (израильтян) вообще есть отчества.

– Михайловна, – подсказал профессор.

– Да-да, Михайловна, – поблагодарил кивком Игнатов, – так вот, по возвращении, Оксана Михайловна, рекомендую приобщиться к творчеству Виталия Васильевича. Очень, знаете ли, познавательно.

– Ага, – громко заржал вынырнувший из-за поворота тропы Никитин, – особенно с буквой «М»...

– Тише, – тут же одернул его появившийся следом командир.

Теперь все поняли, куда отлучались эти двое – в руках подполковник держал комплект камуфляжной формы, который он, не мешкая, сунул в руки профессора, наименее приспособленного к многокилометровому переходу. Его пижаму бордового цвета с ярко-малиновыми шелковыми отворотами с полным основанием можно было назвать профессорской, но для прогулки по лесу она никак не годилась. Профессор возражать не стал. Зайдя за спины двух женщин, он стал переодеваться; командир в это время инструктировал свой отряд.

– Володин, Холодов – авангард; не отрываться, темп ходьбы средний, без остановок; минут через сорок – сорок пять остановка – там как раз полянка интересная будет, прямо перекресток двух дорог...

– Ага, – вспомнила Оксана, – был такой перекресток.

Она вдруг с ужасом подумала, что могла повернуть в другую сторону. Однако командир не позволил ни ей, ни кому другому предаваться ненужным мыслям:

– За ним на расстоянии в пять шагов по трое: Никитин – держишь правый фланг; Малышев – Левый. Игнатов – центр, – Двое парней, вооруженных топорами с красными топорницами синхронно кивнули и шагнули на фланги; доцент крепче сжал рукоять своего ножа, оставаясь на месте.

Подполковник продолжил:

– Следующие: Ершов слева, Иванов справа, Николаева – центр. Дистанция та же.

Парни, державшие в руках в качестве оружия лопаты с такими же красными черенками, тоже кивнули, расходясь по местам. А вот Люда Николаева... («Медсестра, из онкоцентра – коллега, так сказать» – подумала Гольдберг, встречая взглядом подходившую девушку в белом халате), Николаева подошла к нераспределенной пока группе и достала из большой сумки, висевшей на боку, сверток и литровую бутылку минеральной воды.

– Возьмите, Александр Николаевич, – протянула она сверток командиру, – вы ведь поесть не успели.

Бутылку она сунула в руки Оксане и та благодарно улыбнулась – вроде бы как Николаева передала ей шефство над Кудрявцевым. Походный строй задержался меньше чем на полминуты – ровно на столько, чтобы подполковник успел сполоснуть ладони под тоненькой струйкой воды из бутылки, которую экономно вылила ему в горсть Гольдберг. Бутерброды, которые оказались в свертке, сооруженном из нескольких слоев бумажного полотенца, он жевал уже на ходу; к бутылке приложился, только проглотив последний кусок – предложив сначала ее Оксане, а потом профессору. Оба отказались – успели напиться в лагере. Четвертым в их последнем ряду был огромный пес светло-рыжей масти, который не отходил дальше чем на шаг от правого бедра командира и откликался на совсем не подходившую ему кличку «Малыш». Впрочем, Оксане он совсем не мешал, потому что шла она с левой стороны от Кудрявцева. С другой стороны от леса ее прикрывал профессор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.